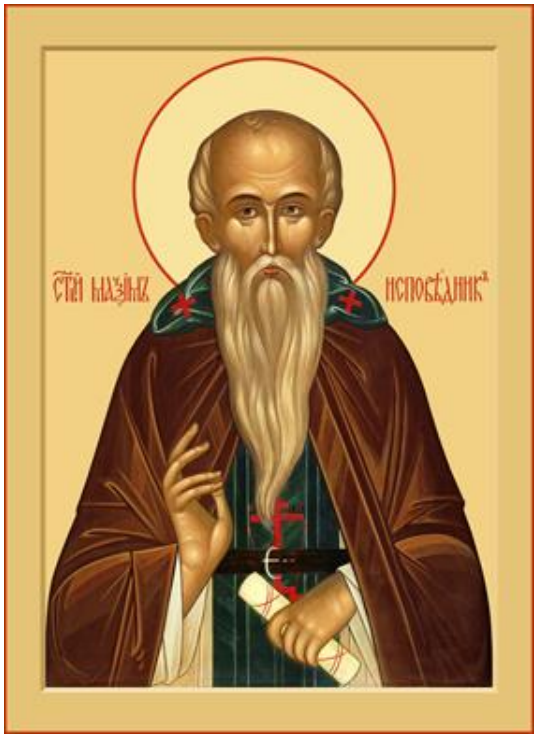
Память 03 февраля (ст.стиль 21 января)

Житие преподобного отца нашего Максима Исповедника



Великий не только по имени[1], но и по жизни, преподобный Максим, родился в великом царственном городе Константинополе. Происходя от высокопоставленных и благочестивых родителей, он получил серьезное научное образование. Он основательно изучил философию и богословие, достиг высшей славы своею мудростью и был уважаем даже в царских палатах. Царь Ираклий[2], видя его разум и праведную жизнь, почтил его, помимо его воли, званием первого своего секретаря и включил его в число своих советников. Преподобный Максим пользовался любовью и уважением среди придворных и был весьма полезен всему царственному городу.

В это время возникла ересь монофелитов, признававших в Христе Господе нашем только одну волю и одно хотение3. Развилась эта ересь из прежде бывшей евтихианской ереси, которая безрассудно признавала во Христе одно только естество, вопреки православному исповеданию, требующему признавать в Господе нашем, воплотившемся Боге, два естества и две воли, два хотения и действия, особенные для каждого естества, но соединенные в одном Лице Христовом, ибо Христос есть Бог, не на два лица разделяемый, но в двух естествах неслитно познаваемый. Защитниками и распространителями ереси монофелитов были вначале: Кир, патриарх александрийский, Сергий константинопольский4 и даже сам царь Ираклий, увлеченный ими в эту ересь. Созвав поместные соборы, Кир - в Александрии, а Сергий - в Константинополе, они утвердили эту ересь, повсюду разослали свое постановление и совратили весь Восток. Один только Святой Софроний, патриарх иерусалимский[5], противился ереси, не принимая лжеучения. Блаженный Максим, видя, что ересь проникла и в царские палаты и совратила самого царя, стал опасаться, как бы и ему не совратиться в ересь по примеру многих. Поэтому, он оставил свое звание и всю славу мирскую и пошел в монастырь, отстоявший далеко от города, по название Хрисопольский[6], где и стал иноком, предпочитая "**быть у порога в доме Божием, нежели жить в шатрах нечестия**" (Пс.83:11).[7] Там, спустя несколько лет, он за свою добродетельную жизнь был избран настоятелем (аввой).

Между тем патриарх Сергий внушил царю Ираклию написать исповедание их неправой веры. Это последнее, исполненное монофелитской ереси, царь назвал "экфесис", то есть изложение[8], и повелел всем так веровать в своем государстве, вследствие чего Церковь Христова была раздираема смутою. Авва Максим, видя, какую смуту переживали церкви в Константинополе и по всему Востоку, и как множились и укреплялись еретики, между тем как православие умалялось и было колеблемо бурею гонения, скорбел духом, воздыхал и много плакал. Услышав же, что на Западе эта ересь не нашла последователей и совершенно отвергнута, так как папа римский Северин[9] не принял царского "изложения", а преемник его на римском престоле, папа Иоанн[10], предал на соборе это "изложение" анафеме, блаженный Максим оставил свой монастырь и пошел в западные страны. Он хотел найти себе приют в старом Риме, так как жить в Иерусалиме не было возможности по случаю

нападения на Палестину сарацин[11]. В Рим он пошел, предпочитая жить с православными, твердо хранившими веру. Направляясь туда, он посещал в лежавших ему на пути городах африканских епископов и, беседуя с ними, утверждал их в вере, научал, как избежать коварства противников и как избавиться от их хитросплетенных сетей[12]; к некоторым же, находившимся далеко, он посылал письма, поучая правоверию и убеждая всячески остерегаться ереси.

В это время умер Сергий, патриарх константинопольский, а место его занял Пирр, приверженец той же ереси[13]; равным образом умер и Кир, патриарх александрийский, а затем скончался и сам царь. Однако, ранее своей кончины, видя, что многие великие и святые архиереи и богомудрые отцы не только отвергают его изложение веры, но и предают его анафеме, царь сильно устыдился и повсеместно известил, что это - не его исповедание, а прежде бывшего патриарха Сергия, который сам написал "изложение" и только убедил царя подписать его. Когда умер царь Ираклий, преемником ему был сын его Константин[14], но и тот, процарствовав только четыре месяца, умер, тайно отравленный своею мачехою Мартиною, которая, при содействии и патриарха[15], возвела на престол своего сына Ираклиона. Но, спустя шесть месяцев, против Ираклиона восстали все сановники; схватив его, они отрезали ему нос, равно как и матери его Мартине, и затем с позором изгнали их в ссылку. На престол же они возвели сына Константина, внука Ираклия, по имени Констанса, от которого впоследствии родился Константин прозванный Погонатом[16]. По воцарении Констанса, тогдашний константинопольский патриарх Пирр, единомышленник Мартины, по народному мнению вместе с нею отравивший сына Ираклия - Константина, отца новопоставленного царя Констанса, сильно испугался и, самовольно сложив с себя патриарший сан, бежал в ссылку в Африку. После него занял константинопольский патриарший престол Павел[17], также еретик-монофелит. Тою же ересью увлекся и царь, и стал великим ее поборником и распространителем.

Когда преподобный оставался в Африканской стране, прибыл туда Пирр, патриарх константинопольский, который бежал со своего престола, и, обходя города, совращал православных в свою ересь. Много вереда причинил бы он там Христовой Церкви, если бы не имел противника себе в лице преподобного Максима, встречаясь с которым, он по целым часам состязался в прениях о вере. Епископы африканские по необходимости должны были собираться в Карфаген, чтобы послушать прения обоих о вере, так как этого желал патриций[18] Григорий, правитель той страны. Когда составился собор и начались прения, богомудрый Максим победил Пирра, опровергнув его доводы на основании божественных книг и догматов святых отцов[19]. Он доказал, что как во Христе Боге два естества, так должны быть в Нем и две воли, два хотения и действования, - нераздельный, однако, в одном лице. Побежденный в споре, Пирр присоединился к православным и был принят Церковью с любовью и почетом, с титулом патриарха. Тогда же он составил и книгу православного исповедания. Затем он пошел в Рим к папе Феодору, который был преемником Иоанна. Папа принял его с почетом, как православного константинопольского патриарха. Когда в Константинополе распространился слух, что Пирр присоединился к православным, то сонмище еретиков омрачилось завистью. Сочинив ложный раз- сказ, они распространили в народе слух, будто бы африканские епископы и папа принудили Пирра, помимо его воли, присоединиться к единомыслию с ними. Этот слух дошел до самого царя. Царь тотчас послал в Италию одного своего сановника, еретика, по имени Олимпия, чтобы он снова обратил Пирра к монофелитскому исповеданию. Олимпий, прибыв в Италию, остановился в городе Равенне[20] и, вызвав к себе из Рима Пирра, убедил его вернуться к прежней ереси. Пирр же, уподобившись псу, возвращающемуся на свою блевотину, стал достоин анафемы, которой и был впоследствии предан святыми отцами вместе со своими единомышленниками.

В это же время царь Констанс, по внушение константинопольского патриарха, еретика Павла, написал, подобно деду своему Ираклию, составившему "изложение", - свое исповедание веры, исполненное ереси, и, назвав его типосом (образцом), разослал повсюду,

повелевая так веровать[21]. Этот образец веры дошел до Рима, когда папа Феодор был уже на смертном одре. После его кончины преемником ему был блаженный Мартин. Царь желал, чтобы и новопоставленный папа принял написанный им типос веры, но папа отверг его, говоря:

- Если бы и весь мир захотел принять это новое учение, противное православию, я не приму его и не отступлю от евангельского и апостольского учения, а равно и от преданий святых отцов, хотя бы мне пришлось претерпеть смерть.

Святой Максим, авва Хрисопольского монастыря, находясь в это время в Риме[22], советовал блаженному папе Мартину созвать поместный собор и осудить соборно царское исповедание, названное "типосом", как еретическое и противное учению Христовой церкви. Так и было сделано[23]. Папа, созвав своих епископов, числом сто пять, в среде коих был и авва Максим, предложил на обсуждение заблуждения Кира, Сергия, Пирра и Павла, а равно и царское еретическое исповедание, - предал лжеучения анафеме и написал повсеместно ко всем верующим, утверждая их в православии, разъясняя еретические заблуждения и предостерегая всячески беречься этих последних. Царь, услышав об этом, исполнился гнева и необычайной ярости и послал в Италию своего наместника Феодора Каллиопу, поручив ему захватить папу Мартина - после возведения на него обвинений: будто он вступил в соглашение с сарацинами, научая их вторгнуться в греко-римское царство и идти войною против царя, - будто веру, преданную св. отцами, он неправо содержит, а равно и хулит Пречистую Богоматерь. Прибыв в Рим, царский наместник публично возводил на папу эти обвинения. Блаженный Мартин, не будучи виновен ни в одном, возводимом на него преступлении, защищался против злонамеренной клеветы.

- С сарацинами, - говорил он, - я никогда не вступал в какое-либо, соглашение, а только посылал милостыню православным братьям, живущим среди сарацин в крайней бедности и убожестве. Если же кто не почитает Пречистую Богоматерь, не исповедует ее и не поклоняется ей, тот да будет проклят в нынешнем веке и в будущем. Веру же святую, преданную святыми апостолами и святыми отцами, не мы, а иначе мудрствующе, неправо сохраняют".

Царский наместник, не слушая оправданий папы, признал его виновным во всем, присоединив еще и то, будто он незаконно взошел на престол. После этого он ночью тайком захватил папу, при помощи военной силы, и отправил его к царю. Папа был заточен в Херсонесе, где и скончался[24].

Несколькими днями ранее захвата папы, был схвачен в Риме преподобный Максим вместе с учеником своим Анастасием и в оковах был отправлен в Константинополь. Это было сделано по царскому повелению, ибо царь знал, по чьему совету и внушению был созван собор для осуждения монофелитов и его послания. Когда преподобный прибыл водным путем в Византию, к нему явились посланные царем мужи, уже в самом взоре обнаруживавшие сильную неприязнь. Они бесстыдно схватили преподобного, босого и без одежды, скованного узами, и влачили его по улицам, в сопровождении огорченного ученика его. Приведши его в одно темное помещение, они заперли его одного, не дозволив быть с ним его ученику, которого заключили особо в темнице. Спустя несколько дней, преподобный был приведен для допроса в царский дворец, в полное собрание сената, однако, без царя во главе. Когда он вошел туда, взоры всех, исполненные злобы и неприязни, устремились на него. Снять допрос было поручено одному из сановников, казнохранителю[25]. Это был муж способный к обильному словопрению, красноречивый, хорошо умевший излагать ложные обвинения и превращать правду в неправду; в искажении же истины он был сведущ больше всех. Какой только злобы и бесстыдства он не показал, каких упреков и оскорблений он не нанес. Он не постыдился ни почтенной старости святого, который имел тогда более семидесяти лет от рождения, не смутился пред благодатью, сиявшею в его взорах, не пощадил ни кроткого и степенного, открытого и любвеобильного характера, ни звания преподобного. В то время как неправедный обвинитель говорил на неповинного многое, нисколько не соответствовавшее ни истине,

ни здравому смыслу, и обнаруживал в своем многословии злонамеренную хитрость, дерзость и лукавство нрава, он проявлял тем самым во всех своих речах величайшее бесстыдство и неразумие. Конечно, он не мог отвечать основательно на убедительные, исполненные кротости и благоразумия, возражения преподобного, а только проявлял в своих речах безрассудство и сбивчивость, а потому и был побеждаем. В частности, что тогда было сказано и сделано, какие обвинения возлагались на неповинного, как лживые люди старались представить свою неправду под видом истины, - это описал подробно ученик преподобного Максима, другой Анастасий, бывший апокрисиарием[26] римской церкви. Мы приведем здесь на память немногое из его обширного повествования.

Как только беззаконный обвинитель, по званию казнохранитель, стал пред лицом святого, он тотчас начал поносить его незлобивого бранными словами и стращать угрозами, называя его бессовестным, предателем отечества, врагом царю, и приписывать ему все постыдное и преступное. Когда же Святой спросил обвинителя, почему он возводит на него такие обвинения и в каком предательстве упрекает, - сановник возвел на него возмутительную клевету и представил заведомо ложных свидетелей. Он упрекал преподобного, будто он многие великие города предал варварам: так, отторгнув от родных пределов Александрию, весь Египет и Пентаполь[27], он присоединил их к владениям сарацин, к которым был дружески расположен и доброжелателен. Святой разъяснил, что возводимое на него обвинение ложно и достойно смеха.

- Какое мне дело, иноку, - говорил он, - до завоевателей городов, и мог ли я, как христианин, иметь общение с сарацинами? Напротив, я всегда желал только одного полезного для христианских городов.

Но бесстыдный клеветник обратился к иным видам лжи, сплетая их, как какие-либо сновидения, и, возвышая до неприличия голос, кричал, будто блаженный Максим хулил восточного даря, называя более достойными почета царей западных. При этом он ссылался на лжесвидетелей. Преподобный, тяжко вздохнув, сказал на это:

- Благодарю Бога моего за то, что я предан в ваши руки и терплю истязания за несправедливые вины, чтобы очистить ими свои вольные согрешения и пороки моей жизни. Но, чтобы ответить кратко на ваши ложные обвинения, спрошу вас, прежде всего: от меня ли самого вы слышали ту хулу на царя, о которой говорите, или иной кто-либо сказал вам о ней?

Они ответили:

- Мы слышали от других, слышавших это из уст твоих.

Когда же Святой просил призвать их, чтобы они засвидетельствовали лично, обвинители сказали, что их уже нет в живых.

Святой сказал на это:

- Если вы говорите, что те, которые слышали хулу из уст моих, уже умерли, то почему вы не привлекли меня к допросу раньше, когда они еще были живы? Тогда и вы освободились бы от излишнего труда, и я понес бы наказание за явную вину. Но достоверно одно: как ложны ваши клеветы, возводимый на меня, так и те, которые привлекли меня к суду, не имели пред очами своими Бога, испытующего сердца человеческие. Да не буду я достоин видеть пришествие Господне и перестану называться христианином, если когда-либо я даже помыслил то ложное сновидение[28], выдуманное вами, или рассказал его пред кем-либо, или слышал от кого!

Тогда призвали одного лжесвидетеля, по имени Григория, который утверждал. что слышал в Риме, как ученик Максима Анастасий называл царя "попом", а этому научился он у своего учителя Максима. Святой Максим, возражая против Григория, мужественно опроверг его лживую клевету. Он говорил:

- Когда Григорий был в Риме, то вел с нами беседу только о единоволии, предлагая нам принять догматическое сочинение, названное "типосом". Но на это мы ответили отказом, предпочитая полезное душам нашим. Того же, что вы говорите теперь, ни я не знаю, ни ученик мой никогда не говорил, - в этом Бог свидетель! Однако, я помню, как я говорил

тогда, не ученику своему, а самому Григорий следующее: исследовать и определять догматы веры есть дело священнослужителей, а не императоров, потому что им предоставлено и помазывать царя и возлагать на него руки, и совершать таинство Евхаристии, и предстоять алтарю, и совершать все прочие Божественные и величайшие таинства. Вот что я говорил тогда и ныне говорю. Припомнить эти мои слова не откажется и сам Григорий, а если бы отказался, то отказался бы от самого себя. За все это пусть всякий или обвинит, или оправдает меня пред судом.

Не зная, что делать, обвинители, надеявшиеся на силу лжесвидетельства, вывели преподобного вон из собрания. Затем был введен ученик его Анастасий. Последнего они старались смутить строгими речами и резкими угрозами, убеждая его, чтобы он подтвердил клевету на учителя своего. Они вынуждали его засвидетельствовать, будто учитель его жестоко обращался в Риме с Пирром, когда состязался с ним о вере. Анастасий мужественно утверждал, что учитель его не только не сделал никакого зла Пирру, но и обращался с ним с особенным почтением. За такое прямодушие они начали бить Анастасия кулаками по шее, по лицу и по голове, желая, таким образом, победить истину насилием, - а затем отправили его в прежнюю темницу. После этого, не довольствуясь прежним ложным обвинением и пристрастным допросом, они снова призвали святого Максима и покушались победить его твердость новою клеветою. Клевета состояла в том, будто бы Святой Максим был последователем учения Оригена[29] и соглашался с ним во всем. Святой легко и свободно опроверг их ложные обвинения, как совершенно бездоказательные. Об Оригене он выразился, как об отлученном от общения с Христом и с христианами, а последователей его учения признал достойными суда Божьего. Тогда они снова стали допрашивать святого Максима о Пирре и о тех причинах, по которым он отделился от Константинопольского патриарха и не желает вступить с ним в общение. Испытывали они святого и другими вопросами, предлагали ему принять царский "типос" и относиться к последнему с особенным почтением, как к совершеннейшему и обязательному догматическому изложению веры. Святой возражал им, а они досаждали ему многими резкими упреками. Однако, видя себя побеждаемыми преподобным Максимом во всех своих спорах и запутывающимися в собственных сетях, они распустили собрате и поспешно отправились к царю, чтобы засвидетельствовать непобедимое мужество Хрисопольского аввы.

- Максим, - говорили они, - непобедим в речах, и никто не может убедить его, чтобы он стал нашим единомышленником, - даже если бы кто-либо стал его мучить!

После этого преподобный опять был посажен в темницу. Спустя немного времени, пришли к нему другие собеседники, полагая, что если часто с ним состязаться и устрашать его грозными словами, то гораздо скорее можно будет склонить его к своей вереи. Пришедшие заявили, что они посланы патриархом, и затем стали спрашивать святого:

- Какой ты церкви: Византийской, или Римской, Антиохийской, Александрийской, или Иерусалимской? Ибо все эти церкви с подчиненными им областями находятся в единении. Посему, если и ты принадлежишь к католической церкви, то немедленно вступи в общение с нами, - если только не желаешь подвергнуться тяжкому изгнанию и испытать то, чего не ожидаешь".

На это праведный муж весьма разумно ответил им:

- Христос Господь назвал католическою церковью ту, которая содержит истинное и спасительное исповедание веры. За это исповедание он и Петра назвал блаженным, и на нем обещал основать вселенскую церковь[30]. Однако, я хочу узнать содержание вашего исповедания, на основании которого все церкви, как вы говорите, вступили в общение. Если оно не противно истине, то и я не отступлю от него.

Послы ответили ему:

- Хотя нам и не поручено говорить с тобою об этом, однако - скажем. Мы исповедуем во Христе два действия по причине различия естеств и одно действие вследствие соединения обоих естеств в одном Лице.

Святой сказал на это:

- Если вы говорите о двух действиях, что они сделались единым действием вследствие соединения естеств в одном Лиц, то значит, кроме тех двух действий, вы признаете еще новое, третье действие, слиянное, или Богочеловеческое.

- Нет, - ответили послы, - мы признаем два действия, а говорим об одном по причине соединения их.

Святой возразил на это:

- Вы сами создаете себе шаткую веру и исповедуете, что Бог может существовать, не имея бытия. Ибо, если вы сольете два действия в одно, по причине соединения естеств в одном Лице, и затем разделите единое действие на два, по причине различия естеств, тогда не будет ни единства, ни двойства действий, такт, как двойство единением и единство раздвоением взаимно исключаются; мало того, эти ухищрения делают совершенно недействительным то, в чем пребывают действия (т. е. Богочеловечество), - даже вовсе устраняют его, как не имеющее свойственного ему по природе такого обнаружения, которое не могло бы быть ни отнятым у естества, ни измененным. В противном случае естество, как не проявляющее себя в сродных, ему действиях, по разумению святых отцов, лишилось бы всего бытия[31]. Но этого я признать не могу, и не научился от святых отцов так веровать. Вы же, как имеющие власть, делайте со мною, что вам угодно.

Они, не зная, что возразить на это, сказали, что неповинующийся им должен подлежать анафеме и принять положенную ему смерть. Святой кротко и смиренно отвечал:

- Да совершится на мне воля Божья во славу святого имени его.

Тогда послы отправились к патриарху и передали все, сказанное преподобным. Царь, посоветовавшись с патриархом, как некогда Пилат с иудеями, осудил святого на изгнание в небольшой городок, находившийся во Фракии, по имени Визию[32]. Равным образом и ученика его Анастасия они послали в заточении на далекую окраину Греческого царства, в одно весьма суровое место, называемое на варварском языке Перверою[33]. Тоже было сделано и с другим учеником преподобного, также Анастасием, бывшим некогда в Риме апокрисиарием, который впоследствии написал житие преподобного Максима. Его сослали в Месемврию[34], город во Фракии.

В это же время был привезен в Царьград блаженный Мартин, папа Римский, и после многих страданий сослан в заточение в Херсонес[35]. Еще ранее его ссылки, когда он находился в Константинополе, умер Павел, патриарх константинопольский. После него был поставлен патриархом упомянутый выше Пирр[36], но и тот, спустя четыре месяца, скончался. Тогда на патриарший престол вступил Петр[37], упорный последователь той же монофелитской ереси.

Прошло много времени, и снова были посланы от имени царя и патриарха Петра к святому Максиму почтенные мужи: Феодосий, епископ Кесарии Вифинской[38] и два консула - Павел и Феодосий, чтобы обратить его к своему единомыслию. Они употребили к обращению святого много разнообразных способов, то льстя преподобному, то угрожая, то испытуя его в вере, то вопрошая. Когда они явились вместе с визийским епископом и повелели святому сесть, епископ Феодосий обратился к нему со словами:

- Как поживаешь, господин, авва Максим?

Он отвечал:

- Так, как Господь от Века предузнал и предопределил обстоятельства моей жизни, сохраняемой его промыслом.

Феодосий возразил на это:

- Как так? Разве Бог от века предузнал и предопределил деяния каждого из нас?

Святой отвечал:

- Бог предузнал наши помышления, слова и деяния, которые зависят от нашей воли; предуставил же и предопределил то, что должно случиться с нами, но что находится уже не в нашей власти, а в его Божественной воле.

Епископ Феодосий спросил:

- Что же находится в нашей власти и что не в нашей?

Святой Максим ответил:

- Все это ты знаешь, господин мой, и, только испытывая меня, раба своего, вопрошаешь.

Епископ сказал на это:

- Воистину, я не знаю этого, и хочу уразуметь, какое различие между тем, что состоит в нашей власти и что не состоит и как одно относится к Божественному предведению, а другое к предопределению?

Преподобный Максим ответил:

- Все наши добрые и дурные дела зависят от нашего произволения; не в нашей же власти - наказания и бедствия, случающиеся с нами, а равно и противоположное им. В самом деле, мы не имеем власти над изнуряющею нас болезнью, или над здоровьем, но только над теми условиями, которые причиняют болезнь, или сохраняют здоровье. При этом, как причиною болезни служит невоздержание, а воздержание служит условием доброго здоровья, - так и соблюдение заповедей Божьих служит условием достижения Царства Небесного, а несоблюдение их - причиною ввержения в геенну огненную.

Епископ сказал ему:

- Зачем ты мучаешь себя этим изгнанием, совершая достойное такого бедствия?

- Молю Бога, - ответил Святой, - чтобы Он, наказывая меня: тем бедствием, простил мне грехи, сделанные преступлением святых его заповедей.

Епископ возразил на это:

- Не для испытания ли со многими случаются беды?

- Искушаемы бывают святые, - отвечал преподобный, - чтобы обнаружились для всех их тайные добродетели, как это было с Иовом и Иосифом. И подлинно, Иов был искушаем ради обнаружения никому неизвестного в нем мужества, а Иосиф подвергся напасти, чтобы стали явными его целомудрие и воздержание, соделывающие человека святым. Да и каждый из святых, если недобровольно страдал в этом Мире, то страдал для того именно, чтобы попускаемыми ему от Бога бедствиями победить гордого отступника, дьявола - змея; самое терпение в каждом святом было следствием искушения.

На это епископ Феодосий сказал:

- По истине, хорошо и поучительно ты говоришь, и я хотел бы о подобных вещах всегда беседовать с тобою, - но так как я и спутники мои, почтеннейшие патриции, пришли к тебе, несмотря на громадное расстояние, ради другого дела, то просим тебя: прими то, что мы предложим тебе, и доставь радость всей вселенной.

- Что именно, господин мой? - спросил Святой. - Да и кто я такой, и откуда я, чтобы мое соизволение на ваше предложение могло обрадовать весь мир?

Епископ сказал:

- Как непреложны истины Господа моего Иисуса Христа, так и то, что я буду говорить тебе, а равно и сотрудники мои, уважаемые патриции, - мы слышали непосредственно от нашего патриарха и благочестивого царя.

- Скажите же, господа мои, - ответил Святой Максим, - чего вы хотите, и что вы слышали?

Тогда Феодосий стал говорить:

- Император и патриарх, прежде всего, желают узнать от тебя: почему ты удаляешься от общения с Константинопольским престолом?

Святой Максим ответил:

- Вы знаете нововведения, принятые шестого индикта истекшего круга[39]. Они начались в Александрии чрез обнародование Киром, бывшим там патриархом, девяти глав, одобренных и утвержденных Константинопольским престолом. Выли и иные изменения и дополнения (экфесис и типос), искажающие соборные определения. Эти нововведения были сделаны первыми представителями Византийской церкви - Сергием, Пирром и Павлом - и известны всем церквам. Вот причина, по которой я, раб ваш, не вступаю в общение с Константинопольскою церковью. Пусть будут уничтожены в Церкви эти

соблазны, введенные упомянутыми выше мужами, - пусть будут устранены введшие их и - очистится путь спасения от преград, и вы пойдете тогда гладким путем евангелия, очищенным от всякой ереси! Когда же я увижу Константинопольскую церковь такою, какою она была прежде, тогда и я обращусь к ней, как был и раньше ее сыном, и вступлю в общение с нею без всякого увещания человеческого. Пока же в ней будут еретические соблазны и еретики архиереи, никакое слово, или дело, не убедит меня, чтобы я когда-либо вступил в общение с ними.

- Но что же худого, - спросил епископ Феодосий, - в нашем исповедании, что ты не хочешь иметь общения с нами?

Святой Максим ответил:

- Вы исповедуете, что было одно действие у Божества и человечества Спасителя, - между тем, если доверять святым отцам, утверждающим, что у кого есть одно действие, у того и естество одно, то вы исповедуете Святую Троицу, не как Троицу, а как четверицу, как будто воплощение было единосущным Слову и отступило от тожества с человеческим естеством, которое есть у нас и было у Пречистой Девы Богородицы; по отступлении же от сродного человеку тожества, как будто образовалась новая сущность, единосущная Слову в той же мере, в какой Слово единосущно Отцу и Духу; таким образом, является уже не Троица, а четверица. Равным образом, когда вы отрицаете действия и утверждаете, что у Божества и человечества Христова была одна воля, вы умаляете свободную самодеятельность его в делании добра. Ибо если то и другое естество не имеет собственного, присущего ему, действия, то если и захочет кому-либо благодетельствовать, не сможет этого, так как у него отнята способность к деланию добра. Ведь, бес способности действовать и бес свойственного естеству действия, никакая вещь не может что-либо произвести, или сделать. С другой стороны, признавая вочеловечение Христа, вы исповедуете одну волю в двух естествах, но тем самым вы признаете, что и плоть его, по своей воле, была создательницею всех веков и всей твари, совокупно с Отцом, и Сыном, и Святым Духом; между тем, по естеству, она сама создана. Или лучше сказать: плоть по своей воле безначальная, - ибо воля Божья безначальная, как и Божество не имеет начала, - а по естеству своему плоть создана во времени. Но так исповедовать не только безумно, а и безбожно, ибо вы не просто говорите об одной только воле во Христе, но называете ее Божественною, а у Божественной воли не может предполагаться ни начала, ни конца, как и у Самого Божества. Вы отнимаете также у Христа Господа все обнаружения и свойства, по которым познается его Божество и человечество, когда экфесисом и типосом требуете не говорить ни об одной, ни о двух волях в Нем, ни о действиях его. Эта воля не едина, потому что вы разделяете ее на две самым подчинением человеческой воли Божественной; их и не две, потому что вы сливаете их в едину.

Когда Святой Максим говорил это и многое другое, о чем подробно сообщает ученик его Анастасий, Феодосий и патриции начали сознавать свое заблуждение. Однако епископ сказал:

- Прими написанный царем типос, не как положительный догмат веры, но как способ решения сомнительных вопросов. Он и написал не в смысле законодательства, а в смысле истолкования веры.

Святой Максим отвечал:

- Если типос не есть положительный закон, утверждающий единство воли и действия Господа нашего, то зачем вы сослали меня в страну варваров и неведущих Бога язычников? За что я осужден оставаться здесь в Визии? за что сотрудники мои изгнаны: один в Перверу, а другой в Месемврию?

Когда затем вспомнили о том поместном соборе, который был созван в Риме блаженным папою Мартином для осуждения монофелитов, епископ Феодосий сказал:

- Не имеет значения этот собор, потому что он был созван не по царскому повелению.

Преподобный ответил:

- Если утверждаются только постановления соборов, созываемых по царскому повелению, то не может быть православной веры. Вспомните о соборах, созываемых по царскому повелению против единосущия, на которых установлено богохульное учение, что Сын Божий не единосущен Богу Отцу. Таковы соборы: первый в Тире, второй - в Антиохии, третий в Селевый, четвертый в Константинополе при Евдоксии арианине, пятый в Нике, шестой в Сирмии, а спустя много времени - седьмой в Ефесе под председательством Диоскора. Все эти соборы созывались по царским повелениям; однако, все они отвергнуты и преданы анафеме, так как на них были составлены вероопределения безбожные и богопротивные. Притом, почему вы не отвергаете того собора, который осудил Павла Самосатского и предал его анафеме? Ведь, во главе, этого собора стояли: Дионисий, папа Римский, Дионисий Александрийский и Григорий Чудотворец, который и председательствовал на этом соборе. Этот собор происходил без царского повеления; однако, он тверд и неопровержим. Православная Церковь признает истинными и святыми только те соборы, на которых установлены истинные и непреложные догматы. И подлинно, как знает это и твоя святость, и других поучает тому же, каноны повелевают - в каждой христианской стране созывать поместные соборы дважды в год - как для защищения спасительной веры нашей, так и для исправления того, что требует исправления; однако, церковные правила не говорят о царских повелениях.

После продолжительной беседы и упорного спора с обеих сторон, уста преподобного Максима исполнились божественной мудрости и красноречия, и язык его, движимый Святым Духом, одолел противников. Последние долго сидели молча, склонив головы и опустив глаза. Затем они умилились и начали плакать, после чего встали и поклонились святому, равно как и он им. После совместной молитвы, они с радостью согласились с истинным учением святого Максима и с любовью приняли это учение, при чем и сами обещали веровать согласно с ним и царя надеялись убедить к тому же. Для подтверждения же своего обещания, они облобызали Божественное евангелие, честный крест и святые иконы Спасителя и Пресвятой Богородицы. Затем, побеседовав достаточно о полезных для души вещах, они дали друг другу целование о Господе и, пожелав взаимно мира, возвратились - епископ Феодосий и патриции - в Византию. Когда они изложили царю все сказанное и сделанное, царь сильно разгневался. Тогда Феодосий и оба патриция, убоявшись царского гнева, снова обратились к ереси. Затем опять был послан в Визию патриций Павел с поручением доставить преподобного Максима в Константинополь, однако - с почетом. Когда Святой Максим был привезен, ему повелено было жить в монастыре святого Феодора[40].

На утро были посланы царем к преподобному два патриция - Епифаний и Троил. Они явились в сопровождении многих знатных мужей, с отрядом войска и слугами, с пышностью и суетным величием. Вместе с ними пришел и вышеупомянутый епископ Феодосий. его ожидал преподобный Максим и надеялся на исполнение его обещания, по которому не только он сам должен был истинно веровать, но и царя, и всех других представителей народа, возвратить православию. Но Феодосий солгал, предпочитая угождать царю земному и суетному миру, нежели следовать Царю Небесному и его святой Церкви. Когда все сели и убедили сесть преподобного, начал беседу патриций Троил.

- Царь, владыка вселенной, - начал он, - прислал нас к тебе возвестить то, что угодно его царской власти, утвержденной Богом, но прежде скажи нам: исполнишь ли ты волю государя, или нет?

Святой Максим ответил:

- Прежде я выслушаю, господин мой, что повелевает мне, государь и сообразно с этим отвечу тебе. Ибо как я могу отвечать на то, чего еще не знаю?

Троил же настаивал, говоря:

- Не скажем тебе, с чем мы явились, пока ты не ответишь нам, окажешь ли повиновение царю.

Преподобный муж, видя, что посланные требуют настойчиво, смотрят злобно и резкими словами допрашивают его, будет ли он повиноваться царской воле, отвечал:

- Так как вы не хотите сказать мне, рабу вашему, что угодно господину нашему, царю, то объявляю вам, пред лицом Самого Бога и его святых ангелов, следующее: если царь повелит мне что-либо такое, что имеет временное и преходящее значение, притом непротивное Богу и безвредное для вечного спасения души, то я охотно исполню.

Когда Святой сказал это, патриций Троил тотчас встал, и хотел уходить, говоря:

- Я ухожу, потому что вижу, что сей муж не исполнит царской воли.

Но тотчас поднялся шум, и началось сильное смятение среди пришедшего сюда множества народа. Тогда епископ Феодосий сказал:

- Объявите ему волю государя, и выслушайте его ответ, ибо нехорошо уйти, ничего не сказав ему и не выслушав его ответа.

После этого патриций Епифаний начал говорить преподобному:

- Вот, что царь приказывает объявить тебе: так как весь Восток и те на Западе, которые увлечены в соблазн, взирая на тебя, производят смуты и волнения, являясь отступниками от веры и строя козни, причем не хотят в деле веры иметь с нами общения, то да смягчить Господь кротостью твое сердце, чтобы ты вступил в общение с нами, приняв изданный нами типос. Мы же, приняв тебя с любовью, с великою честью и славою введем тебя в церковь и поставим рядом с нами, где обычно стоят цари, и приобщимся вместе с тобою Пречистых и Животворящих Таин Тела и Крови Христовых. Потом провозгласим тебя нашим отцом, и будет радость не только во всем христолюбивом граде нашем, но и во всем христианском мире. Ибо мы твердо уверены, что когда ты вступишь в общение со святою Константинопольскою церковью, то присоединятся к нам и все, которые ради тебя и под твоим руководством отпали от общения с нами.

Святой авва Максим, обратившись к епископу Феодосий, со слезами сказал:

- Все мы, владыка, ожидаем Великого дня судного. Ты помнить, что было недавно говорено и обещано пред святым евангелием, животворящим Крестом и святыми иконами Спасителя нашего Иисуса Христа и Пренепорочной его Матери, Пречистой Богородицы и Присной девы Марии.

Епископ, с потупленным вниз взором, кротко сказал:

- Что же могу я сделать, когда благочестивый царь хочет иного?

Авва Максим отвечал ему:

- Зачем же ты и бывшие с тобою касались святого Евангелия, когда у вас не было твердого намерения исполнить обещанное? По истине все силы небесные не убедят меня сделать то, что вы предлагаете. Ибо, какой ответ дам я, не говорю - Богу, но моей совести, если из-за пустой славы и мнения людского, ничего не стоящего, отвергну правую веру, которая спасает любящих ее?

Когда Святой сказал это, тотчас все встали, исполненные гнева и бешенства и, бросившись к нему, начали не только ругать его бранными словами, но и возложили на него руки. Схватив его, они били его руками, терзали, туда и сюда влачили его по полу, толкали и топтали его ногами, и каждый старался достать его, чтобы ударить. Они непременно убили бы святого, если бы епископ Феодосий не укротил их ярости и не успокоил волнения. Когда перестали бить и терзать святого, то начали плевать на него, и оплевали человека Божьего с головы до ног. Смрад исходил от их гадких плевков, которыми была испачкана вся одежда его.

Тогда епископ сказал им:

- Не следовало бы делать этого; нужно было только выслушать его ответ и донести царю, ибо дела, подлежащие церковным правилам, иначе судятся.

С трудом епископ убедил их прекратить шум и снова сесть. Они, не переставая поносить святого грубыми ругательствами и оскорбительными упреками, уселись.

Тогда патриций Епифаний, дыша яростью, с гневом обратился к святому:

- Скажи нам, злой старик, одержимый бесом! Зачем ты говоришь такие речи? Не считаешь ли ты еретиками всех нас, и город наш, и царя нашего? Знай, что мы более тебя христиане и более тебя православные. Мы признаем в Иисусе; Христе, Господе нашем, Божественную и человеческую волю и душу разумную, ибо всякое разумное существо всегда имеет и силу произволения, по самому естеству своему, и способность деятельности. Вообще, живому существу свойственно движете, а уму присуща воля. Мы признаем и Господа имеющим власть хотения не по Божеству только, но и по человечеству, а особенно мы не отрицаем его двух волей и двояких действий.

Авва Максим отвечал:

- Если вы веруете так, как учит Церковь Божья, и как прилично разумному существу, то зачем принуждаете меня принять "типос", который совершенно отрицает то, что вы говорите теперь?

Епифаний возразил:

- Типос написан ради улажения не совсем понятных истин, чтобы не впал в заблуждение народ вследствие особенной тонкости их выражения.

На это авва Максим ответил:

- Это противно вере, а между тем всякий человек освящается правильным исповеданием веры.

Тогда патриций Троил возразил:

- Типос не отрицает двух волей во Христе, а только заставляет молчать о них ради мира Церкви.

Авва Максим сказал на это:

- Замалчивать слово, значит, отрицать его, как об этом говорит Дух Святой чрез пророка: "**Нет языка, и нет наречия, где не слышался бы голос их**" (Пс.18:4). Поэтому, если какое-либо слово не высказывается, то это вовсе не есть слово.

Тогда Троил сказал:

- Имей в сердце своем какую угодно веру; никто тебе но запрещает.

Святой Максим возразил:

- Но полное спасение зависит не от одной сердечной веры, а и от исповедания ее, ибо Господь говорит: "**кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным**" (Мф.10:33). Равно и Божественный апостол учит: "**сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению**" (Рим.10:10). Если же Бог и Божественные пророки и апостолы повелевают исповедовать словом и языком таинство веры, которое приносит всему миру спасение, то нельзя принуждать к молчанию относительно исповедания, чтобы не умалялось спасение людей.

На это Епифаний злобным голосом воскликнул:

- Подписал ли ты постановления собора, бывшего в Риме?

- Подписал, - ответил святой.

Тогда Епифаний продолжал:

- Как ты осмелился подписать и анафемствовать исповедующих веру так, как прилично разумным существам и как учит католическая церковь? Воистину собственным судом мы приведем тебя в город и поставим на площадь связанного, соберем всех комедиантов, и блудниц и весь народ, и заставим их бить тебя по щекам и плевать тебе в лицо.

На это Святой отвечал:

- Да будет так, как ты сказал. Если же ты утверждаешь, что мы анафемствовали тех, которые признают два естества, соединившиеся в Господе нашем, а равно две воли и два действия, соответствующие каждому естеству во Христе Господе, Который по естеству Божественному есть истинный Бог, а по естеству человеческому - истинный человек, то прочти, господин мой, книгу, заключающую в себе деяния этого собора, и если вы найдете то, что сказали, делайте, что хотите. Ибо я и сотрудники мои, и все подписавшие деяния собора, анафематствовали тех, которые, подобно Арию и Аполлинарию[41], признают в Господе одну волю и одно действие и не исповедуют Господа нашего и Бога имеющим два

естества, в которых Он пребывает, а равно имеет силу хотения и действования, коими совершает наше спасение.

Тогда друзья Епифания и патриции, и все пришедшие с ними, начали говорить между собою:

- Если мы и далее станем слушать его, то нам не придется ни есть, ни пить. Поэтому, пойдем и пообедаем и затем возвестим царю и патриарху то, что мы слышали. Вы видите, что этот окаянный предал себя сатане.

Затем, встав, они ушли обедать. Было же в этот день предпразднство Воздвижения честного Креста и уже наступало время всенощного бдения. Отобедав, они отправились в город крайне недовольные.

На другой день (14 сентября), рано утром, явился к преподобному Максиму патриции Феодосий, отнял все книги, какие имел Святой, и сказал от имени царя:

- Так как ты не захотел почета, то иди в изгнание, которое ты заслужил.

Святой старец тотчас был взят воинами и отведен сначала в Селемврию, где он оставался два дня. В течение этого времени один воин из Селемврии, отправившись в армию, распустил по лагерю молву, возбуждая против старца народ словами: "пришел к нам один инок, который хулит Пречистую Богородицу". Начальник армии, призвав важнейших клириков города Селемврии, а равно пресвитеров, диаконов и почетнейших иноков, послал их к блаженному Максиму - узнать: правда ли то, что говорят о нем, будто он хулить Божью Матерь? Когда они пришли, преподобный встал и поклонился до земле, воздавая почет их званию. Они также поклонились святому и затем все сели. Тогда один из пришедших, весьма почтенный старец, очень кротко и почтительно спросил преподобного Максима:

- Отче, так как некоторые соблазнились относительно твоей святости, утверждая, будто бы ты не признаешь Госпожу нашу Пречистую деву Богородицу Матерью Божьей, то заклинаю тебя Пресвятою единосущною Троицею сказать нам истину и изъят соблазн из сердец наших, чтобы и мы не погрешили, неправильно думая о тебе.

Преподобный Максим преклонился на землю крестообразно, а потом, вставши, воздел руки к небу и торжественно произнес со слезами:

- Кто не исповедует Госпожу нашу, всепетую, святейшую и пренепорочную деву, честнейшую всех разумных существ, истинною Матерью Бога, сотворившего небо и землю, море и все, что в них, тот да будет анафема от Отца, и Сына, и Святого Духа, единосущной и преестественной Троицы, и от всех сил небесных, от лика святых апостолов и пророков, и бесконечного множества мучеников, и от всякой праведной души, скончавшейся в вере, ныне, всегда и во веки веков!

Услышав это, все прослезились и высказали ему благопожелания в словах:

- Бог да укрепит тебя, отче, и да сподобит тебя достойно и беспрепятственно совершить свое поприще!

После этого собралось туда множество воинов послушать благочестивые речи отцов, беседующих между собою. Тогда один из приближенных начальника армии, видя большое стечении войска, усердно слушающего слова святого и порицающего правительство за изгнание его, повелел немедленно вывести оттуда святого и вести его далее за два поприща[42], пока снарядятся те, которые должны вести его в Перверу в заточение. Клирики, подвигнутые Божественною любовью, шли те два поприща пешком, провожая святого. Когда пришли воины, чтобы вести его в изгнание, клирики понесли святого на руках и посадили на коня. Затем они обнимали его со слезами и, простившись с ним, возвратились в свой город. Святого же повели в Перверу и там заключили в темнице.

Прошло много времени[43], и царь снова послал привести в Константинополь из заточения преподобного Максима и обоих его учеников. Когда они пристали к городу на корабле, при захождении солнца, явились два начальника стражи с десятью воинами и, выведши их из корабля полунагих и необутых, разлучили и заключили каждого особо. Спустя несколько дней, их повели в царскую палату. Оба ученика были оставлены на дворе под стражей, а

старец был введен внутрь, где заседали сановники и многие почетнейшие лица. Святой был поставлен среди воздевавших правителей. Тогда царский казнохранитель, с раздражением в голосе, обратился к нему:

- Христианин ли ты?

Старец отвечал:

- По благодати Христа, Бога всяческих, я - христианин.

Казнохранитель исполнился гнева и сказал:

- Ты говоришь неправду.

Святой отвечал:

- Ты говоришь, что я не христианин, а Бог говорит, что я неизменно пребываю христианином.

- Но если ты христианин, - возразил казнохранитель, - то за что же ты ненавидишь царя?

- Откуда это видно? - спросил святой. - Ведь, ненависть есть сокровенное чувство души, точно так же, как и любовь.

- Из дел твоих, - ответил казнохранитель, всем стало известно, что ты враг царя и его царства. Ибо ты один предал сарацинам Египет, Александрию, Пентаполь, Триполис и Африку.

- Где же достоверные доказательства этого? - спросил Святой.

Тогда ввели некоего Иоанна, бывшего когда-то сакелларием[44] Петра - в то время, как Петр был наместником Нумидии Африканской[45]. Этот Иоанн сказал:

- Двадцать два года тому назад, дед господина нашего царя повелел блаженному Петру, чтобы он вел войска в Египет против сарацин. Петр, доверяя тебе, как рабу Божью, писал к тебе, прося полезного совета. Но ты отписал ему, что не благоугодно Богу помогать царю Ираклию и наследникам его.

Тогда Святой сказал ему:

- Если ты говоришь правду и имеешь письмо Петра ко мне и мое письмо к Петру, то покажи их; пусть их прочтут, и я приму достойную казнь по закону.

Иоанн ответил:

- Я не имею писем ваших, и даже не знаю, писали ли вы друг другу, но в лагере тогда все об этом говорили.

Святой возразил:

- Если целое войско об этом говорило, то почему только ты один на меня клевещешь? Видел ли ты даже меня когда-либо, или я тебя?

- Нет, - отвечал Иоанн. - Я никогда не видел тебя.

Тогда Святой, обратившись к собранию, сказал:

- Судите сами: справедливо ли ставить в свидетели таких людей? Сказано ведь: "**каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить**" (Мф.7:2). От Бога, праведного Судьи всех.

Затем ввели Сергия Магуду. Тот сказал:

- Назад тому девять лет блаженный авва Фома, пришедший из Рима, рассказывал мне следующее: посылал меня, говорил он, папа Феодор к Григорию, префекту Африки, отложившемуся в то время от греческой империи, сказать ему, чтобы он не боялся греческих войск, ибо раб Божий, авва Максим, видел сон, будто на небесах, на востоке и на западе, стояли лики ангелов. Из них, бывшие на востоке, восклицали: Константин Август, ты победишь! Находившиеся же на западе восклицали: Григорий Август, ты победишь! При этом голос западного лика был яснее и громче, чем восточного.

Когда Магуда изложил это, казнохранитель сказал святому:

- Вот тебя привел Бог в этот город на сожжение огнем.

Святой ответил:

- Благодарю Бога, очищающего вольные мои согрешения невольными наказаниями. Но "**горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит**" (Мф.18:7). По истине, не следовало бы говорить сего пред

христианами, а тем более оставлять без наказания тех, которые говорят и думают только угодное людям, ныне живущим, а завтра не существующим. Все это нужно было объявлять в то время, когда был еще жив Григорию. Тогда следовало бы призвать сюда патриция Петра, авву Фому и блаженного папу Феодора; я в присутствии всех их сказал бы патрицию Петру: скажи, господин мой, писал ли ты когда-либо ко мне о том, о чем свидетельствует твой сакелларий, или, быть может, я писал к тебе? Равным образом и блаженному папе я сказал бы: скажи, владыка, рассказывал ли я когда-либо тебе сон? Но если бы и папа обличил меня относительно сна, то в этом была бы его вина, а, не моя, ибо сонное видение есть вещь непроизвольная, а закон наказывает только те деяния, которые зависят от свободной воли человека.

Возводились при этом на неповинного и святого мужа и другие клеветы и несправедливые обвинения, особенно относительно хулы на царя, - будто он и его ученики порицали в Риме царя. Однако, Святой, доказывая свою невинность, опровергал все эти клеветы, в кротости своей, смиренными, премудрыми и вдохновенными речами.

Затем введен был отдельно ученик его Анастасий. Его побуждали, чтобы он сказал что-либо дурное о своем учителе, и когда тот не хотел говорить неправды на праведного мужа, его избили кулаками и затем отвели его и учителя его, каждого порознь, по своим местам в темницы.

На другой день вечером пришли к преподобному в темницу патриции Троил, Сергий Евфратас, начальник царской трапезы. Они сели и, заставив сесть преподобного, спросили:

- Скажи нам, авва, какую беседу вел ты в Африке и в Риме с Пирром и какими доводами убедил ты его отказаться от его собственного догмата и принять твой догмат?

Святой ответил:

- Если бы были со мною мои книги, в которые я записал бывшие у нас там с Пирром беседы и споры, то я все подробно рассказал бы вам; но так как книги у меня отняты, то что могу припомнить, то и скажу.

Затем святой рассказал по порядку все, что мог припомнить, прибавив в заключение следующее:

- Я никакого собственного догмата не имею, а только общий всей кафолической Церкви; я не внес в свое исповедание ни одного нового слова, по которому оно могло бы называться моим собственным.

Затем посланные спросили его:

- Что же ты не вступишь в общение с Константинопольским престолом?

- Нет, - ответил святой.

- Почему же? - спросили они.

- Потому, - ответил Святой, - что предстоятели сей церкви отвергли постановления четырех святых соборов, приняв за правило "девять глав", изданных в Александрии, а затем приняли экфесис, составленный Сергием, константинопольским патриархом, и наконец, типос, в недавнее время обнародованный. С другой стороны, все, утвержденное в экфесисе, они отвергли в типосе и много раз сами себя отлучили от Церкви и изобличили в неправомыслии. Мало того, сами себя отлучив от Церкви, они низложены и лишены священства на поместном соборе, бывшем недавно в Риме. Какое же тайнодействие они могут совершать? Или какой Дух снизойдет на тех, которые ими рукополагаются?

- Значит, ты один спасешься, - возразили ему, - а все прочие погибнут?

Святой ответил на это:

- Когда все люди покланялись в Вавилоне золотому истукану, три святые отрока никого не осуждали на погибель. Они не о том заботились, что делали другие, а только о самих себе, чтобы не отпасть от истинного благочестия (Дан.3). Точно также и Даниил, брошенный в ров, не осуждал никого из тех, которые, исполняя закон Дария, не хотели молиться Богу, а имел в виду свой долг, и желал лучше умереть, чем согрешить и казниться пред своею совестью за преступление Закона Божьего (Дан.14:31). И мне не дай Бог

осуждать кого-либо, или говорить, что я один спасусь. Однако же, я соглашусь скорее умереть, чем, отступив в чем-либо от правой веры, тереть муки совести.

- Но что ты будешь делать, - сказали ему посланные, - когда римляне соединятся с византийцами? Вчера, ведь, пришли из Рима два апокрисиария, и завтра, в День воскресный, будут причащаться с патриархом Пречистых Тайн.

Преподобный ответил:

- Если и вся вселенная начнет причащаться с патриархом, я не причащусь с ним. Ибо я знаю из писаний святого апостола Павла, что Дух Святой предает анафеме даже Ангелов, если бы они стали благовествовать иначе, внося что-либо новое (Гал.1:8).

Тогда посланные спросили:

- Неужели совершенно необходимо исповедовать во Христе две воли и двоякого рода деятельность?

- Совершенно необходимо, - отвечал святой, - если мы хотим благочестиво мыслить, ибо никакое существо не лишено природной деятельности. Святые отцы ясно говорят, что ни одно существо не может ни существовать, ни быть познаваемым без сродного ему действования. если этого нет, и если естество не обнаруживается в действовании, то каким образом можно признавать Христа истинным Богом по естеству и истинным человеком?

На это ему сказали:

- Мы видим, что это - истинная правда, однако, - не огорчай царя, который, ради мира Церкви, составил типос не для того, чтобы отрицать что-либо из признаваемых во Христе свойств, но ради спокойствия Церкви, повелевая молчать о тех вещах, которые порождают разногласие.

Тогда человек Божий, простершись на землю, отвечал со слезами:

- Не следовало бы огорчаться доброму и боголюбивому царю по поводу моего недостоинства, ибо я не хочу прогневать Бога, умалчивая о том, что Он повелел признавать и исповедовать. Ибо если, по слову Божественного Апостола, Сам Он положил "**в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями**" (1Кор.12:28), то ясно, что Сам Он и говорит чрез них. Из всего же Священного Писания, из творений святых учителей и из постановлений соборных мы научаемся, что воплотившийся Иисус Христос, Господь и Бог наш, имеет силу хотеть и действовать по Божеству и по человечеству. Ибо у Него вовсе нет недостатка в тех свойствах, по которым Он познается, как Бог, или как человек, кроме греха. Если же Он совершен по обоим естествам и не лишен ничего, свойственного им, то, по истине, тот совершенно извращает тайну его вочеловечения, кто не признает в Нем самого существа обоих естеств с соответствующими им свойствами, - естеств, чрез который и в которых Он пребывает.

Когда Святой изложил это и многое другое, пришедшие похвалили его мудрость и не нашли, что возразить ему. Сергий же сказал:

- Один ты, огорчаешь всех, - именно тем, что из-за тебя многие не хотят иметь общения со здешней Церковью.

Преподобный Максим возразил:

- Но кто может утверждать, что я кому-нибудь повелевал не имел общения с Византийскою церковью?

На это Сергий отвечал:

- То самое, что ты не сообщаешься с этою церковью, сильнее всего отвращает многих от общения с нею.

Человек Божий сказал на это:

- Нет ничего тягостнее и печальнее того состояния, когда совесть в чем-либо обличает нас, и нет ничего дороже спокойствия и одобрения совести.

Затем Троил, обращая внимание на то, что "типос" царя Константа анафематствован по всему Западу, сказал святому:

- Хорошо ли, что толкование благочестивого государя нашего так бесславится?

Святой ответил:

- Да простит Бог тем, которые внушили императору и упустили его издать этот указ!

Троил спросил:

- Кто же внушил и кто допустил?

Святой ответил:

- Предстоятели Церкви научили, а сановники допустили, и, таким образом, позор соблазна падает на неповинного и чуждого всякой ереси царя. Однако, посоветуйте государю сделать то же, что сделал некогда блаженной памяти Дед его Ираклий. Когда он узнал, что многие отцы на Западе не принимают "изложения" веры, а равно обличают и осуждают заключающуюся там ересь, - очистил себя от упрека в этом, разослав повсюду свои послания и утверждая в них, что "изложение" принадлежит не ему, а бывшему патриарху Сергию. Пусть сделает то же и ныне царствующий государь и тогда он будет освобождён от всякого упрека.

Они долго молчали, качая головою, а затем сказали:

- Неудобно и даже невозможно сделать все то, что ты советуешь, авва.

Побеседовав еще достаточно о разных предметах, они простились и дружелюбно расстались.

Чрез неделю после этого разговора, в следующую субботу, святого и обоих его учеников опять позвали в царскую палату к допросу. Прежде был введен более ранний ученик его Анастасий, а другой Анастасий, бывший апокрисиарий римской церкви, был поставлен вне палаты. Когда первый Анастасий был введен в залу, где сидели среди членов сената два патриарха: Фома, константинопольский патриарх, и какой-то другой, тотчас вошли и клеветники, возводившие на преподобного Максима ложные обвинения. Присутствующее заставляли Анастасия подтверждать клеветы, возводимые на его учителя. Но он дерзновенно изобличал ложь, мужественно возражая пред патриархами и сенатом. Когда же его спросили: анафематствовал ли он "типос", он ответил, что не только анафематствовал, но и составил против него книгу. Тогда сановники спросили:

- Что же? Не признаешь ли ты, что ты дурно поступил?

- Да не попустит мне Бог, - ответил Анастасий, - считать дурным то, что я сделал хорошо, согласно церковному правилу.

Когда затем его спрашивали о многих других вещах, он отвечал, как ему помогал Бог. После этого его вывели, а ввели преподобного старца Максима. Патриций Троил обратился к нему с словами:

- Послушай, авва, скажи правду, и Бог помилует тебя. Ибо если мы станем допрашивать тебя законным порядком и окажется истинным хотя бы одно из возводимых на тебя обвинений, то ты будешь казнен по закону.

Старец отвечал:

- Я уже сказал вам и опять скажу: настолько же возможно хотя бы одному обвинению быть справедливым, насколько сатане возможно стать Богом; но так как сатана не есть Бог и стать Им не может, будучи отступником, то и те обвинения не могут стать истинными, которые совершенно ложны. Поэтому, что хотите сделать, то и делайте; я же, благочестно почитая Бога, не боюсь обиды.

На это Троил возразил:

- Но разве ты не анафематствовал типоса?

Старец отвечал:

- Несколько раз уже я говорил, что анафематствовал.

- Но если ты, - сказал Троил, - анафематствовал "типос", то следовательно и - царя?

- Царя я не анафематствовал, - ответил преподобный, - а только хартию, ниспровергающую православную и церковную веру.

- Где же ты анафематствовал? - спросил Троил.

- На поместном соборе, в Риме, - отвечал Святой Максим, - в церкви Спасителя и Пресвятой Богородицы.

Тогда обратился к нему председатель:

- Вступишь ли ты в общение с нашею церковью, или нет?

- Нет, не вступлю, - отвечал Святой.

- Почему же? - спросил председатель.

- Потому что она, - отвечал Святой, - отвергла постановления православных соборов.

- Но если церковь наша отвергла соборы, возразил председатель, то как же они записаны в месяцесловном диптихе[46]?

- Какая польза, - отвечал Святой, - от названий и воспоминания их, если догматы тех соборов отвергнуты?

- Можешь ли ты, - спросил председатель, - ясно показать, что нынешняя Церковь отвергла догматы бывших ранее святых соборов?

- Если не будете сердиться и повелите, - ответил старец, - то я легко могу показать.

Когда все умолкли, к нему обратился казнохранитель:

- За что ты так любишь римлян и ненавидишь греков?

Святой ответил:

- Мы имеем от Бога заповедь - никого не ненавидеть. Я люблю римлян, как единоверных со мною, а греков - как говорящих одним со мною языком.

- А сколько тебе лет? - спросил казнохранитель.

- Семьдесят пять, - отвечал святой.

- А сколько лет, - продолжал казнохранитель, - находится при тебе твой ученик?

- Тридцать семь, - отвечал святой.

В это время один из клириков воскликнул:

- Да воздаст тебе Бог за все, что ты сделал блаженному Пирру.

Святой ничего не ответил этому клирику.

Во время этих, довольно продолжительных, допросов ни один из находившихся там патриархов ничего не сказал. Когда же стали распространяться о соборе, бывшем в Риме, некто Демосфен заявил:

- Не истинен этот собор, потому что созвал его Мартин, отлученный папа.

Преподобный Максим отвечал:

- Не отлучен папа Мартин, а подвергся гонению.

После этого, выслав святого вон, они советовались, что с ним сделать? Бесчеловечные мучители находили, что было бы слишком милостиво оставить его жить по-прежнему, в заточении, и что лучше подвергнуть его мучениям более тяжким, чем смерть. Поэтому предали его в руки градского воеводы. Префект велел отвести святого Максима и учеников его в преторию[47]. Здесь беззаконный мучитель, прежде всего, обнажив святого старца и повергнув его на землю, велел бить его острыми воловьими жилами, не устыдившись ни старости его, ни почтенного вида, - не умиляясь и видом его тела, изможденного постническими подвигами. Святого били так жестоко, что земля обагрилась его кровью, а тело его было настолько иссечено, что не оставалось на нем ни одного неповрежденного места. Затем свирепый зверь с яростью обратился к ученикам преподобного и избил их в такой же степени. Когда их били, глашатай восклицал:

- Неповинующиеся царским повелениям и остающиеся непокорными достойны терпеть такие страдания.

Затем их, еле живых, ввергли в темницу.

На утро снова привели в судилище из темницы святого и преподобного мужа с первым учеником его Анастасием. Святой был еще жив и весь покрыт ранами, так что нельзя было смотреть без сострадания на почтенного старца, святого постника, богомудрого учителя и исповедника-богослова, всего окровавленного и изъязвленного глубокими ранами, не имеющего с ног до головы неповрежденного места. Однако не сжалились над ним жестокосердные мучители, а пришли в еще большее озлобление. Извлекши его многоглаголивый язык, источавший реки премудрых учений и потоплявший еретические умствования, глубоко, у самой гортани, отрезали без всякого милосердия, и, таким образом, хотели наложить молчание на богословствующие уста святого. То же сделали и с более

ранним учеником его Анастасием, а затем снова заключили их в темницу. Но Господь Бог, сделавший некогда грудных младенцев способными к восхвалению Своего святого имени, а равно давший немому способность речи, и этим Своим истинным и верным рабам, преподобному Максиму исповеднику и мученику, а равно и ученику его преподобному Анастасий, подал возможность и без языка говорить еще лучше и яснее, чем раньше, до усечения языка. О, сколь тогда устыдились окаянные еретики, узнав об этом! Воспылав еще большею злобою, они отрезали его правую руку и бросили на землю. Точно также они отрезали руку и ученику его, святому Анастасий. Другого же ученика его, также Анастасия, бывшего апокрисиария римской церкви, они пощадили, так как он по временам бывал секретарем у государей.

После этого, преподобного Максима и ученика его вывели из претории, и влачили их по всему городу с поруганием, - показывали их отрезанные языки и руки всему народу и безобразными голосами производили клик и насмешки. После такого бесчеловечного издевательства и бесчестного поругания, сослали всех троих, каждого порознь, в дальнее изгнание, без всякой заботы о них, без пищи и одежды, нагих и босых. Много бедствий и страданий испытали они в пути. Преподобный Максим, вследствие тяжких ран, не мог держаться ни на лошади, ни в повозке. Воины сплели корзину, на подобие постели, и положив в нее тяжко страдавшего старца, с большим трудом могли нести его к месту заточения. Препроводив его в отдаленную скифскую страну, которая в Европе называется Аланией[48], они заключили его в темнице, в городе Шемари. Преподобный же ученик его Анастасий, которому были отрезаны язык и рука, еще на пути почил своим многотрудным и многострадальным телом, а душа его перешла к Богу в жизнь бессмертную.

Преподобный Максим в своем последнем изгнании прожил, среди тяжких страданий, еще три года. Заключенный в темнице, он не пользовался ни от кого ни необходимыми в его старости услугами, ни человеколюбивым попечением. Когда же Господь восхотел положить конец его болезням и скорбям и вывести его из темницы на вечный простор и веселие Небесного Царствия, то утешил его прежде одним Божественным явлением на земле, а затем возвестил ему час кончины. Блаженный страдалец исполнился великой радости, и хотя всегда был готов к кончине, однако начал усердно готовиться к ней. Когда же наступил радостный для него час смерти, он с весельем предал душу свою в руки Христа Бога, которого возлюбил от своей юности и за которого столько пострадал.

Так исповедник Христов и мученик исполнил свой жизненный путь[49] и вошел в радость Господа своего. Погребен он в том же городе. После погребения святого, на могиле его были видны три чудесные лампады, светившие пламенем несказанного сияния и озарявшие то место. Святой, который при жизни своей был светом миру, и по кончине своей не переставал светить и ныне; светить всем людям примером своей добродетельной и многострадальной жизни и великой ревности по Богу. Те три, виденные на гробе святого, лампады служили ясным знамением того, что Святой угодник Божий вселился в светлых обителях Пресвятая Троицы, немерцающих в Царствии Божьем, где он сияет с праведными, как солнце, и наслаждается созерцанием Троичного света. После кончины преподобного Максима остался в живых, в отдельном заточении, другой ученик его, апокрисиарий Анастасий, который впоследствии с особенною подробностью описал житие, подвиги и страдания отца и учителя своего. Из этого описания здесь взято в сокращении то, что достаточно для пользы нашей, для прославления Бога, во святых славимого, Отца, и Сына, и святого Духа, Которому и от нас грешных да будет честь, слава и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Кондак, глас 8:

Троицы рачителя и великаго Максима, научающа ясно вере божественней, еже славити Христа во дву естествах, волях же и действах суща, в песнех достойных вернии почтим взывающе: радуйся, проповедниче веры.

Другой кондак, глас 6:

Свет трисиянный, всельшийся в душу твою, сосуд избран показа тя всеблаженне, являюща божественная концем, неудобостижных разумений ты сказуяй блаженне, и Троицу всем Максиме возпроповедуяй ясно, пресущную, безначальную.

---

1 Максим - лат. Maximus - соответствует греческому, что значит величайший. На соответствие имени святого Максима с его личными качествами и его жизнью указываете его ученик, преподобный Анастасий, в своем письме к Феодору, пресвитеру Гангрскому. - Святой Максим родился около 580 года. При втором допросе в Константинополе, бывшем в 655 году, он сказал, что ему 75 лет.

2 Император Ираклий вступил на престол в 600 году и царствовал по 641 год.

3 Ересь монофелитская возникла в начале VII века и была продолжением монофизитской ереси. Монофелиты признавали во Христе одну волю и одно действие Божеское и, таким образом, искажали догмат вочеловечения Бога Слова. По учению же православному, воля есть принадлежность естества, а не лица, а потому и Господь Иисус Христос, как естеством Бог и естеством человек, имел и Божескую и человеческую волю. Без этой последней Он не был бы совершенным по естеству человеком.

4 Кир занимал патриаршую кафедру в Александрии с 630-640 г. Сергий I был патриархом константинопольским с 610-638 г.

5 Св. Софроний - патриарх иерусалимский с 634-644 г.

6 Хрисопольский монастырь лежал на противоположном берегу Константинопольского пролива, ныне Скутари, близ Халкидона. Он славился благочестивою жизнью иноков. Здесь Святой Максим принял пострижение, а затем избран аввой. Авва слово Сирийское, значит "отец " Это имя усваивалось начальнику обители.

7 Псалмопевец предпочитает "лежать у порога" дома Божьи, нежели жить роскошно в палатах грешников.

8 Этим изложением веры, изданным в форме эдикта, или указа, обязательного для всех, запрещались всякие споры об одной, или двух волях во Христе, но в тоже время провозглашалось учение об одной воле, как учение правильное. Но и после этого споры волновали Восточную Церковь.

9 Северин - папа римский с 638 - 640 г.

10 Папа Иоанн IV занимал римскую кафедру с 640 - 642 г.

11 Восточная империя в начале 7-го века терпела постоянный нападения от аваров и особенно от персов, а равно была постоянно угрожаема от аравитян, или сарацин. В 637-640 годах под власть сарацин подпали Сирия, Палестина и Египет. Этому много содействовали монофелиты, которые по вражде к православной Церкви всегда готовы были отдаться в руки врагов. Число монофизитов в одном Египте доходило до 6 миллионов, тогда как православных там было около 300 тысяч. Император Ираклий всячески старался примирить монофизитов с православною Церковью. Ради этого он и издал экфесис.

12 Св. Максим прибыл в Африку около 640 года. Ранее этого он утверждал православную веру с 633 по 640 год в Александрии, Константинополе, Кипре, Малой Азии и других странах. В Северной Африке он прожил пять лет, с 640 по 645 год.

13 Пирр наследовал Сергию в 639 году. На созванном им соборе он одобрил "изложение" (экфесис) Сергия и ревностно продолжал дело защиты ереси.

14 Константин III был византийским императором в 641 г.

15 Народная молва приписывала патриарху Пирру соучастие с Мартиною, мачехою императора Константина, в отравлении этого последнего. Опасаясь ярости народа, он бежал в 641 году в Северную Африку и оставил патриарший престол. До 650 года он жил сначала в Африке, а затем в Риме.

16 Констанс царствовал с 641 - 668 г., Константин IV Погонат - с 668 - 685 г.

17 Павел II занимал патриаршую кафедру в Константинополе с 641 - 654 г.

18 Патрициями нередко назывались в Греко-Римской империи правители областей; назывались так же и люди благородного происхождения вообще. Патриций Григорий был правителем Карфагена. Карфаген находился к северо-востоку от Туниса. Основан Дидоною, царицею Тирской, около 860 года до Р. Хр. В 148 году до Р. Хр. подчинен Римской империи. Завоеванный в 439 году по Р. Хр. Вандалами, он был возвращен Римской империи в 533 году Велизарием. В 697 году арабы окончательно разрушили его.

19 Публичное прение св. Максима с Пирром происходило в июле 645 года.

20 Равенна - с пристанью при Адриатическом море, построена фессалийскими греками. Многие римские императоры имели здесь свое главное местопребывание, и поэтому эта провинция называется иногда Романией. Император Август здесь держал флот.

21 Патриарх Павел, заместитель Пирра, по примеру Сергия, убедил Констанса издать в 648 году новый догматический эдикт "0бразец Веры" (типос). Этим эдиктом предписывалось относительно спорных вопросов - о волях о Христе - хранить совершенное молчание, а довольствоваться тем, что утверждено на первых пяти вселенских соборах.

22 В Рим Святой Максим прибыл в конце 645 года и прожил здесь десять лет, с 645 по 665 год.

23 Святой папа Мартин был ранее апокрисиарием (т. е. поверенным) предместника своего папы Феодора при Византийском дворе и долго жил в Константинополе. По вступлении его в Мае 649 года на папский престол,

ему был прислан из Константинополя императорский эдикт (типос) с повелением держаться его. Святой Мартин ответил отказом и вместе с святым Максимом начал изыскивать меры к искоренению ереси. В конце 649 года он созвал в Риме так называемый Латеранский собор из и05 епископов, при участии святого Максима. На этом соборе православное учение о двух волях и действиях в Иисусе Христе было утверждено, а поборники ереси - Феодор Фаранский, Сергий Константинопольский, патриархи Пирр и Павел и, наконец, Кир Александрийский, а равно экфесис Ираклия и типос Констанса были анафематствованы, а "деяния" собора были посланы императору Констансу.

24 Святой папа Мартин был взять под стражу в 653 году и, по повелению императора Констанса, отправлен в Константинополь. Вместе со святым Максимом он прибыл в Константинополь в Сентябре 654 года. Какова была их участь, в течение годичного путешествия, неизвестно. Святой Мартин, обвиненный в измене отечеству и в оскорблении царского величества, был сослан в Херсонес, где и скончался 16 сентября 655 года, замученный голодом.

25 Казнохранитель-по греч. газофилакс. Это слово происходит от персидского газа - имение, богатство, - и греч. храню. Газофилакия - общественная сокровищница, - царское, или церковное казнохранилище (Еванг. от Марк. 14, 40. Иоан. 8, 20).

26 Апокрисиарий - слово греческое, означаете ходатай, адвокат по церковным делам - при царском дворе.

27 Поводом к такому обвинению послужило то, что Григорий, префект Африки, одно время расположенный к святому Максиму, отложился от Империи около 650 года. - Пентаполь - западная часть Ливии, примыкавшей к Египту.

28 Об этом сновидении, совпадавшем (будто бы) по времени с возмущением префекта Африки Григория, подробно говорится в житии ниже. При одном из последующих допросов преп. Максима снова обвиняли в побуждении Григорий к восстанию при посредстве приписываемого ему сновидения.

29 Ориген - знаменитейший христианский учитель III века. В своих многочисленных сочинениях, к которым даже замечательнейшие из отцов Церкви относились с глубоким уважением, Ориген проводил, однако, некоторые мнения неправославного и еретического характера, за что они и осуждены были, как еретические, хотя Ориген и не высказывал своих неправославных мнений, как непреложные истины. Таково было его учение о предсуществовании душ, осужденное на V Вселенском соборе в 553 году.

30 См. Еванг. от Матф., гл. 16, ст. 17, 18.

31 По разумению святых отцов, ни одно естество не может ни существовать, ни быть познаваемым бес проявления себя в сродных ему действиях. Поэтому, с признанием одной воли в Господе Иисусе Христе, одно из естеств должно было бы лишиться своего бытия, перестало бы существовать. Вместе с тем исчезло бы и Богочеловечество. Таким образом, догмат воплощения подвергся у монофелитов искажению.

32 Фракия граничила на севере с Карпатскими горами, от Иллирии, на юге границами ее были: Македония, Эгейское море (Архипелаг) и Пропонтида (Мраморное море), а на востоке Черное море. Таким образом, древней Фракии принадлежали: восточная часть Венгрии, Трансильвания, Молдавия, Валахия, Болгария, Сербия и восточная часть Румелии. Визия - городок на востоке Фракии, у Черного моря. Это была столица небольшого округа, называвшегося Астиком. Жители его грабили всех, подвергавшихся кораблекрушению близ их городов.

33 Первера - город в ущельях горы Олимпа, между Македонией и Фессалией.

34 Месемврия - город на востоке Фракии, на берегу Черного моря.

35 Это было в 655 году. - Херсонес на восточной стороне Таврического полуострова.

36 Павел скончался в 655 году.

37 Петр управлял константинопольскою патриархией с 655 - 666 г.

38 Вифиния граничила на севере с Черным морем, на западе с Мизией, на юге с Фригией и Галатией, на востоке - с Пафлагонией. Ныне она занимает северную часть Анатолии.

39 Индикт - по Римскому календарю - означает промежуток, или круг времени в 15 лет. Первый год в этом круге назывался первым индиктом, второй год - вторым индиктом и т. д. В греческом и славянском месяцесловах под 1-м сентября значилось: "начало индикта, сиречь нового лета". В приведенном месте жития святого Максима слова: "шестого индикта истекшего круга" нужно понимать так "девять лет тому назад", т. е. в 648 году.

40 Это было в 655 году. - Монастырь великомученика Феодора находился в предместье Царьграда.

41 Аполлинарий, епископ Лаодикийский, учил, что Сын Божий, воплотившись, принял неполное человеческое естество, но только душу и тело человеческие, ум же человеческий у Него заменяло Божество. Ересь эта была осуждена 2-м Вселенским собором.

42 Поприще - мера расстояния, равняющаяся нашим 690 саженям. Два поприща, таким образом, составляют приблизительно 2 2/з версты.

43 Именно - пять лет.

44 Сакелларий - от saccilus мешок - тоже, что казнохранитель. Сакелляриев было два - императорский и патриарший.

45 Нумидия находилась в северной Африке. Ныне она составляет восточную часть Алжира.

46 Диптих значит поминание, синодик. Это были две таблицы, сложенные как скрижали, на которых писались имена живых и умерших. В месяцесловных диптихах были отмечены и важнейшие события церковной жизни.

47 Претория - место, где происходил суд. Пред преторией нередко происходили и бичевания.

48 Алания находилась в Азиатской Серматии, в западной части Кавказских гор, недалеко от Черного моря.
49 Труды святого Максима не погибли. Шестой вселенский собор (680 года) достойно почтил Исповедника и предал анафеме еретиков и их учение. - Лучшие из творений преподобного Максима - те, которые изображают жизнь духовную, и особенно следующие: 1) 0 любви к пресвитеру Элпидию 400 глав; 2) Учение подвижническое, в вопросах и ответах к тому же Элпидию; 3) О добродетели и пороке 500 глав; 4) Послание к епарху Георгию о гордости; 5) К кувикулярию Иоанну - о любви и о печали по Боге. Во всех догматических сочинениях преподобный Максим имеет в виду почти одних монофелитов и монофизитов, с которыми в жизни своей столь ревностно боролся. Против монофелитов написаны им: 1) Два тома догматов к Марину в Кипре; 2) О двух волях во Христе, о действиях и волях во Христе, к тому же Марину и множество других менее пространных статей. Против монофизитов написано: 1) о правильных догматах веры и против Севера; 2) о двух естествах во Христе. Ему также принадлежит 5 разговоров о Святой Троице и письмо к пресвитеру Марину "о происхождении святого Духа". Преподобный Максим довольно занимался и объяснением Священного Писания. Он оставил несколько опытов толкования Писания: 1) ответы на сомнительные места Писания; 2) краткие ответы о трудных предметах; 3) объяснение 59 псалма; 4) толкование молитвы "Отче наш"; 5) объяснение книги Песнь песней. Кроме того, от преподобного Максима осталось обрядовое сочинение - изъяснение литургии или тайноводство и некоторые другие сочинения: о душе, о качестве и т. д. - Сочинения преподобного Максима богаты высокими догматическими и нравственными мыслями.

Преподобный Максим Грек (+ 1556)

Память его празднуется 21 янв. в день преставления, 1-ю Неделю после праздника свв. апостолов Петра и Павла (29 июня) вместе с Собором всех святых, в земле Тверской просиявших, 6 июля вместе с Соборам Радонежских святых

Прп. Максим Грек родился в знатной семье в Эпире, в Греции. В миру его звали Михаил Тиволис. Он получил *высшее образование* в Венеции и Флоренции, где был близок ко многим выдающимся людям своего времени, — между прочим, к флорентийскому проповеднику Савонароле, борцу за чистоту нравов, и присутствовал при его мученической кончине. По возвращении на родину он поступил в монастырь *Ватопед* на горе Афонской и принял там постриг.

В 1518 г. вел. князь Василий III Иоаннович просил афонских старцев прислать ему ученого инока для приведения в порядок его библиотеки и для ученых трудов. Выбор старцев пал на Максима. Приехав в *Москву,* он нашел великокняжескую библиотеку в большом беспорядке, но был поражен ее богатством. Он окружил себя молодыми переводчиками, и работа началась: были переведены Толковая Псалтирь, Деяния святых апостолов, Властарь (собрание церковных постановлений) и некоторые творения Иоанна Златоустого; было начато исправление богослужебных книг; кроме того, прп. Максим писал и полемические сочинения.

Он создал себе много друзей, но еще более врагов: во-первых, тем, что примкнул к сторонникам покойного Нила Сорского (+ 7 мая 1503), бывшего противником монастырского землевладения; во-вторых, тем, что обличил порчу нравов русского народа и высшего, главным образом придворного, общества, и, наконец, тем, что вместе с

Восточными Патриархами и лучшими русскими людьми осудил развод вел. князя с его кроткой, богобоязненной супругой вел. княгиней Соломонией из рода Сабуровых (в иночестве Софией; память ее 16 дек). Вел. князь «встречи», то есть возражения себе, не терпел. Нашли ошибки, допущенные прп. Максимом при исправлении богослужебных книг (по недостаточному знанию им русского языка), и осудили его как еретика. На стенах темницы своей в *Волоколамском монастыре* он начертал углем канон Святому Духу — смиренный молитвенный вопль исстрадавшейся души православного инока. После вторичного осуждения его отправили *в Тверь,* под надзор тамошнего епископа Акакия. По доброте своей тверской святитель сделал все, что мог, чтобы облегчить его участь: он позволил ему писать и часто приглашал к своему столу. Но только в 1541 г. с прп. Максима было снято запрещение приступать к Святым Тайнам. Однако же на родину его не отпустили, несмотря на все просьбы Восточных Патриархов и афонских старцев: прп. Максим слишком много в России видел, слишком много знал.

Окруженный всеобщим почитанием, он поселился в Троице-Сергиевой лавре. В 1553 г. его посетил царь Иоанн IV перед богомольем, предпринимаемым им в благодарность за удачный Казанский поход. Прп. Максим старался отговорить его от этого богомолья, указывая ему на множество обездоленных вдов и сирот павших под Казанью воинов. Но царь его не понял, хотя преподобный предупредил его, что, если богомолье состоится, он потеряет своего сына. Богомолье состоялось с большой пышностью, и во время него малолетний царевич Димитрий нечаянно упал в воду на реке Шексне и утонул.

В следующем же году прп. Максима пригласили на собор, созванный против Матфея Башкина, обвиненного в ереси, но удрученный болезнями старец не мог ехать, а лишь прислал сочинение в защиту святых икон. Однако же голова у него была совсем свежая, и незадолго до кончины он окончил перевод Псалтири для ученика своего инока Нила (князя Курлятева). Скончался прп. Максим 21 января 1556 г., после 50-летней иноческой жизни. В XVII в. на могиле его совершилось два чуда, и он был *причислен к лику святых.* Рака его и часовня на его могиле сооружены в XVIII в. митрополитом Московским Платоном.

• До принятия пострига преподобный, как, сын знатных родителей, получил всестороннее образование. На острове Корфу, принадлежавшем Венеции, он проходил обучение классическим наукаь у Иоанна Мосха в течение 12 лет. Продолжил свое образование в Венеции, в Падуе, славившейся своим университетом, во Флоренции, Болонье и других центрах просвещения.

• Первоначально преподобный, во святом Крещении Михаил, принял постриг в доминиканском монастыре Св. Марка, во Флоренции. В поисках подлинно спасительной мудрости брат Михаил покидает Италию и уезжает на Афон. В 1505 г. он принимает постриг с именем Максим, в честь Максима Исповедника, в Ватопедском монастыре. Этот монастырь построен на северо-восточном склоне Афона. Ватопедская библиотека богата рукописными сочинениями духовного содержания. В непосредственной зависимости от Ва-топеда находился русский скит св. Андрея Первозванного, основание которому положил Вселенский Патриарх Афанасий (Пателарий), впоследствии умерший в России, в Луб-иах (память его 2 мая).

• По прибытии в Москву прп. Максим работал и был насельником Чудова монастыря. После незаслуженной опалы местом заключения преподобного был Иосифо-Волоколамский монастырь (ныне действующий), потом в Твери — Отрочь-Успенский монастырь, основанный в XIII в. В этом монастыре отбывал свое заключение и погиб свт. Филипп, митрополит Московский. Закончил свою жизнь преподобный в Троице-Сергиевой лавре.

• Почитание прп. Максима Трека началось в XVI в., в 1564 г. его изображение появляется на стенах паперти Благовещенского собора Московского Кремля, в XVII в. его образ пишется на фресках Успенского собора Троице-Сергиевой лавры, Софийского собора

в Вологде. С этого времени пишутся его изображения на миниатюрах, появляются иконы преподобного с нимбом. В 1694 г. имя Максима Грека вносится в иконописный подлинник

• *Канонизации прп. Максима как местно-чтимого послужило чудо, связанное со спасением царя Феодора Иоанновича от смерти во время осады Юрьева (Тарту). Для общецерковного прославления канонизация состоялась в год празднования 1000-летия Крещения Руси, в 1988 г. на Поместном Соборе русской Православной Церкви, на основании святости жизни и чудотворений от него и его святых мощей, а также на основании его почитаемости православным народом как учителя иноческого жития, святого чудотворца.*

Монахиня Таисия. Русские Святые

Страдание святого мученика Неофита

В городе вифинском Никее[1] жил муж, по имени Феодул, имевший супругу Флоренцию. Оба они были богобоязненные христиане и благоговейно соблюдали заповеди Божьи. У них родился сын, которого они назвали Неофитом. Просветив его святым крещением, они воспитывали его по-христиански. По мере того, как отрок возрастал годами и разумом и, приближаясь к десятилетнему возрасту, начал учиться в школе, в него вселилась благодать Божья, из уст младенцев хвалу Христу совершающая (ср. Пс. 8:3; Мф.21:16.), ибо Святой "**дух дышит, где хочет**" (Иоан.3:8): отрок стал чудотворцем. У него был такой обычай: когда дети были отпускаемы из училища по домам своим, блаженный отрок Неофит брал с собою домой беднейших детей, своих сверстников, и разделял между ними ту пищу, которую получал от родителей своих на обед, - а сам оставался голодным. Затем он шел к восточным воротам города, начертывал там своим перстом крест и, поклоняясь ему, молился Христу Богу, распятому за нас на кресте. Сотоварищи же его, насытившись от обеда его, приходили к нему, в то время, как он молился у восточных ворот. Там был в стене камень. Ударяя в этот камень рукою, блаженный Неофит изводил для своих сотоварищей воду, как из источника, - и они пили. Это делал Святой отрок во все дни, питал своих сверстников обедом и чудесно напаяя водою, изводимою из камня. При этом он запрещал им говорить кому-либо об этом и они не рассказывали. Таким образом, никто не знал в этом году о чудотворениях его, ни даже родители его, а только те беднейшие отроки.

На следующий год матери Неофита Флоренции, исполненной особенной любви к Богу, было открыто Богом в сонном видении, что сын ее изводит воду из камня, подобно Моисею, и напаяет жаждущих отроков. Она же, восстав от сна, молилась Богу, чтобы Он открыл ей в подробностях все о сыне ее Неофите. И вот прилетел с небесной высоты белый голубь, блистающий несказанным светом. Сев на постели Неофита, голубь обратился к нему с человеческою речью:

- Я послан, сказал он, от Спасителя сохранить твой одр непорочным.

Услышав это, мать его пала мертвою от ужаса. Тотчас стало известно по всему городу Никее, что Флоренция, жена Феодора, умерла внезапно. Немедленно собралось в дом умершей множество народа, - мужчины и женщины, соседи и знакомые, и все недоумевали,

что случилось с нею, что она умерла неожиданно. Феодор, муж ее, находился в это время на поле. Его тотчас известили о внезапной смерти жены его. - Разодрав на себе одежды от скорби, он поспешил домой, рыдая. Неофит, встретив его у ворот, сказал:

- Зачем ты скорбишь, отец? Не умерла мать моя, а крепко уснула.

Затем, вошедши с отцом в дом, он взял за руку мать и сказал:

- Встань, мать моя; ты заснула крепко.

Она, вставши как бы от сна, обняла своего сына и лобызала его с любовью. Видя это, все собравшиеся в дом прославили Бога. Флоренция же рассказала по порядку своему мужу все, что было с нею в сонном видении и наяву. Тогда же стало известно и то чудо, что Неофит изводил из камня воду. Все немало дивились этому, а многие из язычников, бывших там, слыша обо всем этом и дивясь благодати Божьей, обитавшей в чистом и непорочном отроке Неофите, уверовали в Господа нашего Иисуса Христа.

Между тем голубь всегда являлся к одру святого и, сидя на одре, говорил человеческим голосом. Однажды он сказал святому:

- Выйди, Неофит, из дома отца твоего, и иди вслед за мною.

Святой отрок встал, простился с родителями своими и пошел за голубем. Голубь, доведши его до горы Олимпа[2], к одной расселине в камне, влетел в находившуюся там пещеру. Неофит, вошедши вслед за ним, нашел там огромного льва и сказал ему:

- Выйди отсюда и поищи себе другую пещеру, потому что жить здесь мне повелел Господь.

Услышав это, лев облизал языком прах от ног его и ушел. Святой остался жить в львиной пещере и был питаем Ангелом. По истечении одного года, Святой, по повелению Божий, пошел опять в город Никею к родителям своим, близким уже к кончине, и, дав им последнее целование, предпослал их к Богу, а сам, раздав нищим оставшееся после них имущество, снова возвратился на гору Олимп, в свое прежнее местопребывание. Там он оставался все время до исполнения пятнадцатилетнего возраста, подобно Ангелу, прославляя Бога и получая пищу от руки Ангела.

В это время царствовали на Востоке и на Западе мучители Диоклетиан и Максимиан[3], а в области Вифинской был правителем Декий и помощник его Уар. Церковь Христова была гонима по всей вселенной нечестивыми идолопоклонниками. Тогда же пришел Декий в Никею, а глашатай его объявил, чтобы все граждане города и окрестные жители собрались принести жертвы богам. Был назначен и День для этого гнусного празднества. В это же время находились в Вифинской области и цари; они также прибыли в Никею. Когда наступил этот бесовский праздник, и всенародно приносились жертвы идолам, тогда Ангелы Божий, взявши святого Неофита с горы Олимпа, поставили его среди никейской площади, с просветленным лицом, подобно Моисею. Святой громогласно воскликнул:

- Я открылся не искавшим меня и являюсь не спрашивающим обо мне, чтобы обличить заблуждения и обманы нечестивой веры.

Совершавший празднество народ, а с ним и правитель Декий, увидев внезапно явившегося среди них светлого юношу, громко говорившего, удивились и спрашивали, кто он и откуда. И тотчас же граждане узнали, что это Неофит, сын Феодора и Флоренции. Тогда правитель Декий повелел, чтобы и он принес, вместе с ними, жертву их богам. Святой отверз свои дерзновенные уста и начал говорить:

- Беззаконник и кровопийца, что ты делаешь, приводя к погибели столько человеческих душ? Разве ты не знаешь, что за всех тех, которых ты приводишь к бесовской жертве, ты понесешь страшную ответственность и будешь вечно мучиться в геенне огненной?

Правитель Декий страшно рассердился по поводу этого обличения и повелел обнажить святого юношу и, зацепив за руку, повесить на дереве и бить немилосердно воловьими жилами, а затем положить его в уксус, смешанный с солью. Святой мужественно переносил страдания и взывал громким голосом к стоявшему вокруг народу:

- Мужи, одержимые безбожием и страждущие слепотою, покайтесь и избавьтесь от этой тьмы; придите к истинному свету, Христу Богу, и посвятитесь святым крещением, чтобы удостоится вечной жизни!

Правитель, слыша такие слова святого юноши, исполнился еще большей ярости и повелел снова повесить его на дереве и строгать ножом его ребра. Мучимый так, Святой Неофит, не говорил ничего иного, кроме, слов:

- Сыне Божий, помилуй меня!

Тогда предстал пред ним один из приближенных праведных отцов и сказал:

- Что ты беснуешься, Неофит, противясь царскому повелению? Обещай принести богам жертвы, - и тотчас будешь освобожден от этой жестокой казни.

Но святой ответил ему:

- Я приношу Богу Небесному жертву хваления, а бездушным идолам и живущим в них бесам никогда не поклонюсь.

Тогда правитель повелел своим слугам еще более жестоко строгать святого по всему телу попеременно. Слуги, сменяясь, строгали его беспощадно, так что кости его обнажились. Святой же, укрепляемый Богом, во время этих мучений пел: "**если пойду посреди сени смертным, не убоюсь зла, так как ты со мной**" (Пс.26:4), Господи.

Правитель, видя, что ничего не успевает, повелел перестать мучить святого и снять с дерева, причем, утешая его, говорил:

- Видя твою юность и щадя твое здоровье, я не налагаю на тебя еще больших мучений, но советую тебе поклониться нашим богам. Тогда будут присланы к тебе царями искуснейшие врачи, которые скоро исцелят тебя от этих ран.

Мученик ответил ему:

- Я имею иного Врача, Владыку моего, Господа Иисуса Христа, за которого страдаю; на Него я и надеюсь.

Тогда правитель повелел заключить его, связанного, в темницу. На утро пошел правитель в царские палаты и рассказал царям о Неофите.

- Я вчера, - говорил он, - мучил, связав, одного христианского юношу, так как он не хочет поклониться богам. Однако он пренебрегает муками и непрестанно призывает Христа своего.

Цари повелели сжечь живыми, как этого юношу, так и всех, исповедующих Христа. Правитель Декий и старейшина Уар вышли из царской палаты и пришли к месту, называемому "школою Геркулеса"[4]. Здесь были поставлены царские изображения, и Декий повелел привести из темницы юношу Неофита. Когда Святой был приведен, правитель обратился к нему со следующими словами:

- Неофит, подойди и принеси жертву богу Геркулесу; тогда ты будешь угоден богам, а царям и нам приятен.

Святой ответил ему:

- Я молюсь Богу моему, Иисусу Христу, чтобы оказаться приятным и угодным ему.

Тогда, по повелению мучителя, была сильно раскалена печь для сожжения святого Неофита. Он был ввергнут в печь и отверстие ее было закрыто на три дня и три ночи, чтобы не осталось и костей мученика. Но Святой мученик Неофит, посреди огня охлаждаемый Божественною росою, веселился как на месте спокойном, воспевая: "**Господь - Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться: Он покоит меня на злачных пажитях**" (Пс.2:1-2). Он оставался совершенно невредимым, подобно трем Вавилонским отрокам, ввергнутым в печь (Дан.3).

По прошествии трех дней, пришли слуги мучителя открыть печь и высыпать пепел; они думали, что печь угасла и тело мученика сгорело. Но лишь только они открыли отверстие, тотчас неожиданно из печи изверглось огромное пламя и попалило множество нечестивых, пришедших туда, так что едва ли кто остался невредимым. Святой же громким голосом, воскликнул:

- Благословен Ты, Господи Боже мой, сохраняющий меня здравым и невредимым среди мучений, избавляющей меня от лукавства мучителей, претворяющей для меня огонь в росу и попаливший пламенем достойных вечного и неугасающего пламени! Молюсь Тебе, Владыка, не посрами меня, раба Твоего, до конца, пока я совершу свой подвиг при Твоей помощи.

После этого Святой вышел из печи здравым, не получив никакого вереда от огня. Нечестивые слуги, оставшееся от сожжения пламенем, взяли его и повели к правителю. Все язычники удивлялись такому чуду, и приписывали его, по нечестию своему, волхвованию, сами будучи исполнены бесовского чародейства: злоба ослепила их, и они не могли уразуметь силы Христовой.

Затем Святой был осужден на съедение зверями. Было приготовлено возвышение; обнаженного святого привязали к укрепленному на нем столбу и выпустили на него медведя. Зверь с ревом пошел к святому, но, приблизившись, остановился, посмотрел на него и затем возвратился на свое место. Правитель и все собравшиеся на это зрелище удивлялись этому. Затем выпустили самую свирепую медведицу, которая только дважды в год была выпускаема на ристалище, так как была очень зла и убивала многих. Она, подбежав, поверглась у ног святого, почитая в нем угодника Божьего, а затем отошла на свое место. Когда это происходило, пастухи привели к правителю огромного и весьма свирепого льва, которого, по их словам, они поймали в пустыне пять дней тому назад и вовсе не давали пищи. Обрадованный правитель повелел ввести этого льва внутрь ристалища, где Святой мученик ногой был привязан к столбу. Все ужасались, глядя на этого льва, так как он был очень велик и свиреп. Лев, подошедши к святому, посмотрел на него, остановился, и склонив голову, испускал из очей своих слезы, точно реки из источников, а затем стал лизать ноги святого. Это был тот лев, которого Святой Неофит нашел на горе Олимп, в каменной пещере, и отослал в другое место, сам, поселившись в его пещере. Узнав его, Святой повелел ему возвратиться в первое свое жилище, на горе Олимпе, которое он уступил святому; при этом Святой запретил ему когда-либо вредить людям. Лев, поклонившись мученику, пошел от него со страшным ревом, разломал двери ристалища и быстро прошел среди народа. Все бросились бежать, опасаясь свирепости зверя, но он никого не тронул и побежал в пустыню, по повелению святого, на прежнее свое место. Мучитель, исполненный страха и ужаса, и, не зная, что еще делать, повелел убить мученика. Там стоял один звероподобный и свирепого нрава иноплеменник, имевший в руках копье. Он бросился на святого и, ударив его копьем в грудь, проколол насквозь. Так Святой мученик Неофит, закланный как агнец, предал свою душу в руки Господа своего в 21 День января[5], прожив от рождения своего пятнадцать лет и четыре месяца. Ныне же он, наследуя бесконечную жизнь, славит Источника жизни Христа Бога, с Отцом и Святым Духом славимого во веки.

---

1 Вифиния - северо-западная область Малой Азии. Никее - ныне Исник - в древности богатый и цветущий город, теперь бедный и малонаселенный. В Никее происходили I и VII Вселенские соборы.

2 Олимп - гора в Малой Азии, на границе между Фригией и Вифинией.

3 Диоклетиан - римский император, царствовал в восточной половине империи, Максимиан - в западной половине с 284 по 305 г.

4 Геракл или Геркулес - герой древнегреческих преданий, обладавший, по верованиям древних греков, сверх естественною силою, олицетворявший собою физическую силу человека и впоследствии почитаемый ими, как один из наиболее излюбленных богов. Как воплощение физической силы, Геркулес почитался главою и покровителем всех гимназий (древне-греческие общественные школы, в которых особенное внимание обращалось на гимнастические упражнения) и палестр (школы для физических упражнений, содержавшиеся частными лицами, где мальчики получали физическое развитие). Школы эти обыкновенно посвящались Геркулесу и украшались его статуями. Часто эти упражнения и гимнастические и атлетические состязания производились на открытом воздухе, на особо предназначаемых для сего местах, посвящаемых Геркулесу.

5 Св. Неофит пострадал и мученически скончался в гонение Диоклетиана, бывшее в 303 - 305 годах.

Житие и страдание святой мученицы Агнии девы

Святая мученица Агния родилась в древнем Риме и была воспитана родителями в христианской вере. На тринадцатом году жизни она временною смертью избавилась от смерти вечной и обрела нескончаемую жизнь, так как возлюбила единого Подателя жизни и привязалась к Нему от юности. Она была юна годами, но стара совершенным разумом, - юна телом, но единою души ее была мудрость (Прем.Сол.4:9), прекрасна лицом, но еще прекраснее глубиною веры. Воспламененная любовью к Сладчайшему Иисусу, родившемуся от Пречистой Девы, она обручилась с Ним своим девством, и кроме Него, никого другого не хотела иметь своим женихом. Благородная по происхождению и прекрасная лицом, она своею красотою настолько привязала к себе очи и сердце одного юноши, сына областоначальника Симфрония, что, когда он увидел ее возвращавшуюся из женской школы, тотчас воспламенился любовью к ней, а затем, расспросив о ней и узнав дом ее родителей, начал посылать к ней обильные дары, обещая еще больше, и прося, чтобы она согласилась стать его невестою и сочеталась с ним браком. Святая Агния отвергла все эти дары, как бы сор, нисколько их не ценя; о себе же она говорила, что она обручена лучшему Жениху и имеет от него лучшие и более ценные дары: будучи невестою Его, она не может оставить его и изменить своей преданности и любви к Нему. Но этот юноша со дня на день воспламенялся все большею любовью к ней и признавал себя почетнейшим и более достойным, сравнительно со всеми другими благородными юношами. Полагая же, что девица желает от него лучших даров, он приготовил в большем количестве и более ценные камни и жемчуг, драгоценные сосуды и одежды, и сам принес их к ней, умоляя то лично, то чрез знакомых, друзей и соседей, чтобы она никого не предпочитала ему. Он указывал на свое знатное происхождение, на богатства, дома, наследственные земле, которыми она удет владеть, если согласится обручиться с ним. Тогда святая начала говорить более ясно:

- Отойди от меня, разжигатель греховного пламени, страстный любитель скверны, снедь, уготованная вечной смерти! Отступи от меня, так как тебя предупредил уже другой Жених, Который подарил мне гораздо большие украшения и обручил меня перстнем веры Своей. С Ним ты не можешь сравниться ни по происхождению, ни по званию. Он возложил на меня иные отличия духовной красоты. Он обложил мою десницу и шею многоценными камнями, дал в уши мне серьги из бесценных изумрудов, опоясал меня светло-блестящим жемчугом, положил знамение на лице моем, чтобы я не предпочитала ему никакого другого жениха, одел меня златотканою одеждою и красил меня бесчисленными ожерельями; кроме того, Он показал мне бесценное сокровище, которое обещал дать мне, если я сохраню веру в Него. Потому-то я не могу ни смотреть на кого-либо другого, чтобы не обесчестить первого Жениха своего, ни оставить Того, с Кем я крепко связана союзом любви. Его знатность - высочайшая, могущество - самое крепкое, красота - великолепнейшая, любовь - сладчайшая, превосходящая всякую благодать; Им уже уготован и чертог для меня. Голос го приятен мне; уста его уже источили для меня мед и молоко; его чистыми объятиями я уже искренно привязалась к ему; плоть его уже объединилась с моею плотью и кровь его красила мое лицо. Матерь его - Дева, а Отец его жены не нал. Ему служат Ангелы; солнце и луна удивляются его красоте; но его повелению мертвые воскресают; от прикосновения

к Нему больные исцеляются; богатства его никогда не умаляются и сокровищницы не пустеют. В Него Одного я храню еру и ему всецело вверяю себя. Имея его своим мужем, я станусь девою; любя его, буду непорочна; прикасаясь к Нему, станусь чистою; от этого брака не бывает детей; чадородие нем безболезненно, а плоды сожития с каждым днем умножаются.

После этих слов, безумный юноша еще более воспламенился к ней горячею любовью и, страдая сердцем от любовной раны, впал в тяжкий недуг от скорби и печали. Когда он слег на одре болезни и тяжко вздыхал из глубины сердца, врачам стала ясною сердечная рана его. Отец его, услышав обо всем этом, и узнав из расспросов о причине болезни, послал немедленно к девице и к родителям ее, желая обручить ее в невесту своему сыну. Она же, как и в первый раз, отказалась, говоря:

- Я никогда не изменю моему первому Жениху.

Разгневанный начальник области старался обстоятельно расследовать, кто может сравниться с его сыном и унизить знатность его рода? Тогда один из присутствовавших разъяснил, что Агния - из детства христианка и христианским волшебством так обольщена, что считает Христа, которого христиане признают Богом, своим Женихом. Узнав об этом, начальник области обрадовался, так как он мог, будучи судьей, признать ее достойною казни за оскорбление богов своих; притом, он надеялся собственною властью принудить ее к брачному союзу с сыном. Немедленно он послал своих слуг привести ее, и начал свой нечестивый суд над нею. Сначала он питался ласками, а затем угрозами, отвратить ее от Христа и обещанного Христу девства. Однако, дева Христова не прельстилась ласками и не убоялась угроз, но, будучи мужественна духом, одинаково насмехалась и над ласками, и над угрозами. Областеначальник Симфроний, видя такое мужество девицы, обратился к ее родителям и много беседовал с ними об обручении, а так как они были благородного происхождения, то, не смея допустить насилие над ними, советовал лишь всячески убеждать дочь свою к браку. Но они отказывались, говоря:

- Правитель, мы не в состоянии будем убедить ее, ибо насколько мы с детства знаем ее волю, она никогда этого не сделает и никогда не откажется от своего намерения.

Тогда правитель снова повелел представить к нему девицу на суд, поговорив ей много о плотской любви и о супружестве; когда все ласковые и льстивые речи оказались бессильными, он сказал, наконец:

- Выбирай себе одно из двух: или сочетайся браком с моим сыном, или, если желаешь сохранить девство, посвяти себя на всегдашнее служение богине Весте[1], ибо она таких девиц требует.

На эти слова блаженная Агния ответила:

- Если я презрела твоего сына, хотя и развращенного бешеною страстью, однако - живого человека, притом имеющего разум, способного слышать, видеть, ходить и пользоваться благами мира сего, - если я не могу даже смотреть на него, в виду обета Христу моему, то Тем более я не могу почитать истукана глухого и немого, бездушного и неразумного. Чтобы не причинить оскорбления всемогущему Богу, я не преклоню головы своей пред бесчувственным камнем, ибо я несомненно знаю, что нет иного Бога, кроме Того, Который создал небо и землю чрез Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа, нас ради воплотившегося, пострадавшего и погребенного, в третий день воскресшего и ныне царствующего на небе бесконечным царством. Ему единому я покланяюсь и служу, как Истинному и Живому Богу, а твою лживую богиню и всех ваших гнусных богов проклинаю.

Выслушав это, правитель Симфроний сказал:

- Щадя твою юность, прощаю тебе хуления, которые ты изрекла на богов наших, ибо вижу, что ты имеешь несовершенный разум; пощади же и ты себя и не прогневляй богов.

Святая Агния ответила:

- Зачем ты мою юность, точно неразумную, презираешь, и почему ты думаешь, что я ищу у тебя какой-либо милости? Знай же, что достоинство веры зависит не от годов жизни

и не от телесного возраста, а от разума, и всемогущий Бог превозносит человека более умом, нежели годами, и более благодетельствует чрез разум, чем чрез долголетие. А богов своих, от гнева которых ты меня предостерегаешь, оставь; пусть они сами гневаются на меня, пусть сами говорят, пусть сами повелевают мне почитать их и поклоняться им.

Правитель области сказал на это:

- Одно что-либо выбирай себе: или с другими девицами, для спасения чести дома своего, принеси жертву богине Весте, или, на вечный позор своему роду, ты пойдешь в непотребный дом к бесстыдным женщинам.

Святая Агния мужественно ответила ему:

- Если бы ты знал, Кто Бог мой, ты не говорил бы этого. Я же, зная силу Господа моего Иисуса Христа, не придаю никакого значения твоим угрозам, ибо вполне уверена, что и богам твоим не поклонюсь, и девство мое сохранится чистым и неповрежденным. Я имею хранителя тела моего, Ангела Божьего. Господь же мой, Иисус Христос, единородный Сын Божий, которого ты не знаешь. Он для меня крепость несокрушимая, страж неутомимый, защитник постоянный, - не так, как ваши боги, которые суть или куски меди, годные для изготовления котлов, полезных в домашнем обиходе, или камни, которыми мостят улицы. Божество же не в камне обитает, а имеет престолом небо, и не в меди обитает, или какой-либо более Ценной вещи, а в вышнем царствии, будучи прославляемо и почитаемо всяким созданием. Ты же и подобные тебе, если не обратитесь от идолослужения к Истинному Богу, то вместе с богами твоими, которые отливаются ваятелями в огне и в огне растаивают, будете мучиться в вечном огне.

Начальник области сильно разгневался, повелел обнажить святую и вести ее нагую в непотребный дом, а глашатай должен был восклицать:

- Агния, нечестивая дева, похулившая богов, ведется в непотребный дом, как блудница.

Но в то время, как святая девица была обнажена для поругания, Бог не оставил ее в ее уповании и не допустил посмеяния и посрамления невесты Своей. По Божью изволению, у нее выросли немедленно столь длинные волосы на голове, что покрыли все тело ее, как какая-либо плотная одежда, и никто не мог видеть наготы ее. Когда она вошла в дом блудниц, то увидела Ангела Божьего, готового охранять ее девическую чистоту, который покрыл ее таким несказанным блистающим сиянием, что, по причине сильного блеска, не могли взирать на нее глаза бесстыдных и нечестивых юношей. Вся комната та заблистала светом подобно солнцу, сияющему во всей своей красе, и когда кто-либо пытался посмотреть на нее любопытным оком, тотчас сильно помрачались глаза его от незримой, по причине того света, святой. Когда же девица начала молиться, то увидела пред собою белую одежду, сотканную не человеческими, но ангельскими руками. Одевшись в нее и увидев себя одетою сообразно своему возрасту, святая произнесла:

- Благодарю Тебя, Господи мой, Иисусе Христе, что Ты, включая меня в число рабынь Твоих, даровал мне эту одежду!

Тогда дом греховный стал домом молитвы, место бесовских потех стало селением славы Божьей, нечистый дом блудниц стал великолепным чертогом, где невеста Христова с явившимся ей Ангелом прославляла и воспевала Бога. Приходили сюда многие, развращенные умом и воспламененные страстью, но убоявшись славы, окружавшей девицу, и видя Божественную силу, защищавшую ее девство, становились целомудренными и, поклонившись, уходили. Пришел со своими сверстниками и сам тот юноша, виновник зла, исполненный нечистой страсти. Он хотел совершить над святою девицею насилие и, видя других, прежде него входивших и уходивших без всякого успеха, смеялся над ними, называя их ничтожными и слабыми. Вошел он с дерзким намерением в комнату, в которой молилась святая, и, видя небесное сияние, не воздал чести славе Господней и бесстыдно устремился к невесте Христовой. Но прежде чем он коснулся ее рукою, им мгновенно овладел бес, с силою поверг его на землю и, удавив его, сделал бездыханным. Пришедшие с ним юноши, видя, что он долго замедлил в комнате, думали, что он творит греховное дело. Тогда один из ближайших приятелей его, желая похвалить

его и поздравить по поводу исполнения и достижения желания его, вошел в комнату, и, нашедши его бездыханным, начал громко кричать:

- Мужи римские, помогите! Эта волшебница своим чародейством убила сына правителя.

Тотчас сбежалось множество народа. Видя случившееся, одни называли ее чародейкою, а другие признавали неповинною в смерти юноши. Узнав об этом, отец умершего поспешно явился в толпе и, увидев сына своего лежащего бездыханным, с рыданием обратился к святой:

- О, бесчеловечная и жесточайшая из всех женщин! Зачем ты уморила сына моего? Разве ты не могла на ком-либо другом показать силу своего чародейского искусства? Горе мне! Что ты сделала? Расскажи, как ты убила его?

Святая кротко ответила ему:

- Тот, волю которого он хотел исполнить, исконный враг рода человеческого, имеющий власть над блудниками и не боящимися Бога, и особенно над развратителями девства, тот убил его. Ибо все, сколько их ни входило сюда раньше его, остались живыми и здоровыми, так как они воздали честь Богу, пославшему Ангела Своего одеть меня этою одеждою милосердия и сохранить неповрежденным мое девство, от колыбели завещанное Христу. Видя блеск ангельского сияния, они все покланялись и выходили без вреда, а сын твой, будучи бесстыдным и не боящимся Бога, лишь только вошел, начал свирепствовать и неистовствовать, и когда он бесстыдно простер свою руку, чтобы прикоснуться ко мне, Ангел Божий тотчас продал его сатане на эту горькую и постыдную кончину, которую ты видишь. Таким образом, но моим чародейством, как ты полагаешь, но властно и повелением Ангела Божьего, он умерщвлен.

На это правитель сказал:

- Тогда лишь станет ясно, что ты не волшебством сделала это, когда ты умолишь своего Ангела, чтобы он воскресил моего сына.

Святая ответила:

- Хотя вы и недостойны за свое неверие такого чуда, но так как настало время, чтобы обнаружилось, и было прославлено могущество Господа моего Иисуса Христа, то выйдите отсюда все, и я сотворю обычные молитвы к Богу моему.

И в то время как она молилась, лежа на земле ниц, явившийся ей Ангел Божий поднял ее плачущую и воскресил умершего юношу. Последний, вышедши из дома, начал восклицать громким голосом:

- Един есть Бог на небе и на земле, и на море, Бог христианский; иные же боги суть ничто, а только обман и заблуждение, приносящие верующим в них вечную гибель!"

Видя и слыша это, многие из народа уверовали в тот день, числом сто шестьдесят человек, и крестились. Спустя некоторое время, язычники отсекли головы им и воскрешенному юноше.

По поводу такого чуда сильно смутились языческие жрецы и чародеи. Распространив молву о чуде и вызвав сильное волнение в народе, они громко кричали, обращаясь к судье:

- Истреби из нашей среды эту волшебницу, убей чародейку, которая не только убивает тела, но и производит переворот в душах и сердцах!

Симфроний, видя это чудо, пришел в недоумение: он хотел отпустить святую, но, опасаясь возмущения против себя жрецов и даже изгнания из отечества, оставил для усмирения народного волнения своего наместника, по имени Аспазия, а сам ушел, скорбя, что не мог освободить, по воскрешении сына, святую девицу. Аспазий, приняв власть, повелел разжечь среди города костер и бросить в него святую Агнию на сожжение. Когда святая была брошена в огонь, тотчас пламя разделилось на две части и дало ей место посреди себя пространное и прохладное; наоборот, оно устремлялось на стоящих вокруг и опаляло их. Народ же, видя девицу неопаляемою, приписывал это не всемогуществу Божий, а силе чародейства и, рассуждая об этом, волновался и хульными голосами взывал до облаков. Между тем, святая мученица, стоя среди огня и воздевши руки вверх, молилась:

- Слава Тебе, всемогущий, всеми исповедуемый и прославляемый Отец Господа нашего Иисуса Христа, чрез которого Ты избавил меня от руки нечестивых людей, сохранил от скверны мою душу и тело мое соблюл чистым! Вот и теперь небесною росою от Духа святого прохлаждается для меня огонь, пламя разделяется, и вся сила огня устремляется на слуг, старающихся сжечь меня. Благодарю Тебя, достойно славимый Боже, за то, что и среди пламени Ты даешь мне безбоязненный путь к Тебе. Я уже вижу исполнившимся то, во что я веровала; на что я надеялась, то имею, и желаемое получила. Исповедую Тебя устами и сердцем; к Тебе я устремилась всеми чувствами, и вот иду к Тебе, Живому и Истинному Богу, с Господом нашим Иисусом Христом и Святым Духом, живущему и царствующему во все веки, аминь.

Когда эта молитва была произнесена святою, и весь огонь костра угас до конца, Аспазий, опасаясь продолжения народной смуты, повелел воткнуть меч в гортань святой. Таким образом, Христова мученица Агния, обагрившись собственною кровью, пошла на брак Бессмертного Жениха[2]. Родители святой Агнии взяли с радостью честное тело своей дочери и положили на поле своем, недалеко от города, при дороге, называемой Нументана. Здесь многие верные собирались на молитву, особенно ночью, по причине боязни язычников, которые, подстерегая и там и на пути, причиняли верующим много притеснений. Однажды, напав нечаянно, они многих ранили брошенными камнями и всех разогнали; осталась лишь одна девица, сверстница святой Агнии, по имени Емерентиана. Она, исполнившись дерзновения, поносила разбойников, говоря:

- За что вы, жестокосердые, побиваете камнями неповинных людей? Какую вину вы нашли в тех, которые прославляют единого Бога и своими молитвами испрашивают для вас многие блага?

Язычники, рассвирепев, побили ее камнями. Таким образом, она, молясь у гроба святой Агнии, предала дух свой Господу. И тотчас начались - сильнее землетрясение, молнии и страшные громы; большая часть убийц пали мертвыми, пораженные свыше. С этого времени язычники более не осмеливались притеснять верующих, идущих к гробу Христовой мученицы. Родители же святой Агнии, пришедши ночью с пресвитерами, омыли окровавленное честное тело святой Емерентианы и похоронили вблизи святой Агнии, а сами постоянно находились у гроба возлюбленной дочери своей, бодрствуя и плача по ночам. В одну из ночей они увидели лик Девиц, идущих мимо них, - украшенных светлыми златотканными одеждами и сияющих небесною славою, а среди них они увидели и дочь свою, святую Агнию, подобно им сияющую и имеющую по правую сторону себя Агнца - белее снега. Она, обратившись к подругам своим, чтобы они остановились и обождали немного, сказала родителям:

- Не плачьте обо мне, как об умершей, но лучше радуйтесь и торжествуйте вместе со мною, так как я вместе с сими девами, вселилась в светлые обители и ныне я соединилась на небе с Тем, Кого я всем сердцем возлюбила на земле.

Сказав это, она стала невидима.

Спустя много лет, вступил на царство Константин Великий. Дочь его Констанция тяжко заболела. Все тело ее было обложено гнойными струпьями, и не было здорового места на ее теле с головы до ног. Врачи ничем не могли помочь ей. Последовав доброму совету, она пошла ночью к гробу святой мученицы Агнии и там, помолившись с твердою верою и со слезами, она уснула и увидела в сонном видении святую Агнию, которая сказала ей:

- Дерзай, Констанция, и веруй в Господа Иисуса Христа, Сына Божьего, верою в которого ты ныне исцеляешься от ран твоих.

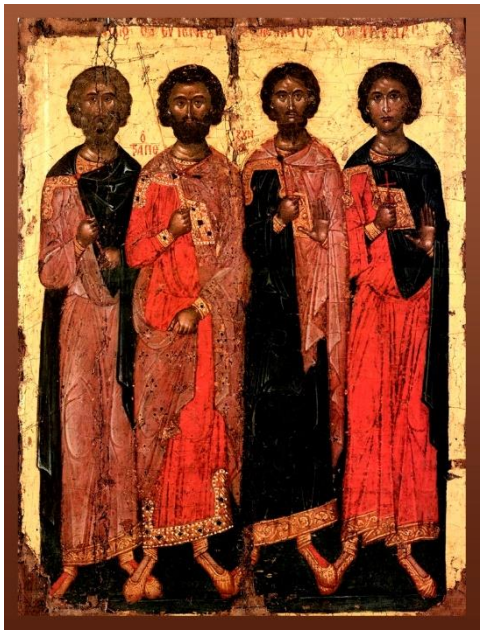
Проснувшись, Констанция почувствовала себя настолько здоровою, как будто она никогда не болела. Возвратившись домой, она рассказала отцу своему и братьям, как исцелила ее святая Агния. Великая радость была в царском доме; радовался и весь город, прославляя Бога за это великое чудо. Многие стали приходить к гробу святой мученицы и получали различные исцеления. После этого царевна Констанция упросила отца своего построить церковь во имя святой мученицы Агнии на месте погребения ее. Там устроив

себе жилище, она оставалась девою со многими другими благородными и знатными девицами до своей кончины. Так основался девичий монастырь при церкви девицы и невесты Христовой, святой Агнии, в честь и похвалу ее, во славу Христа Бога нашего, с Отцом и Святым Духом славимого во веки, Аминь.

---

1 Веста (у греков - Гестия) почиталась древними римлянами богиней домашнего очага, домашнего согласия, мира и счастья; сама она, по их верованиям, была девственницей. В честь ее было устроено особое святилище с ее статуей и очагом, в котором поддерживался неугасимо-горящий огонь, о котором заботились ее служительницы, так называемый весталки, выбиравшиеся из чистых дев, дававших обет вечного девства, и пользовавшиеся среди римлян большим уважением и почетом.
2 Св. мученица Агния пострадала в 304-м году.

Память святых мучеников Валериана, Кандида, Евгения и Акилы



Сии святые прославленные мученики пострадали в царствование Диоклетиана и Максимиана от правителя Лисия. Прежде всего, Валериан, Кандид и Акила были схвачены в горах Трапезунтских, так как, с наступлением тяжкого гонения, они оставили дома свои, и все имущество, и весь суетный мир, и скитались в горах, предпочитая лучше жить со зверями, Чем с богопротивными идолопоклонниками. Схваченных троих мучеников нечестивые, прежде всего, послали в страну Лассийскую, в один городок, по имени Пина, в тяжкое заточение в тамошней темнице, а затем, спустя некоторое время, привели их в Трапезунте[1] и представили правителю Лисию. Когда святые, допрашиваемые о Христовой вере и побуждаемые к принесению идольских жертв, оказали неповиновение, тогда их прежде били нагих жилами, а затем повесили и строгали железными когтями, опаляя при этом горящими свечами. Святых страдальцев укрепляла Божественная сила, невидимо пребывавшая в них среди мучений. Она внезапно так устрашила мучителей, что они пали ниц, как мертвые. Видя это, Лисий ужаснулся и повелел отвести мучеников в темницу. Спустя несколько дней, был схвачен и Святой Евгений, и подвергнут был жестокому биению за исповедание имени Иисуса Христа. Когда, затем, правитель пошел в идольский храм, то за ним был веден и мученик Евгений. Вошедши в храм, Святой помолился Богу, и тотчас идолы пали и рассыпались в прах. Тогда, по повелению мучителя, слуги его оцепили веревками руки и ноги святого и, растянув его на земле, били в продолжение долгого времени толстыми палками. Затем повесили его нагого, строгали тело его железными когтями, опаляли свечами, и раны его поливали крепким уксусом, смешанным с солью. После этого всех четырех святых мучеников вместе ввергли в огненную печь, а когда они вышли оттуда без всякого вреда для себя, они были усечены мечом[2]. Таким образом, окончились страдания сих святых.

---

1 Трапезунт - город в восточной части Понта, - отпорной области Малой Азии, на морском берегу.
2 В начале IV века.

Святые Казахстанской земли

Память 3 февраля (21 января по ст. ст.) в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской.

Илия Яковлевич Березовский (1890 - 1938) – священник, священномученик

Родился 20 июля 1890 года в деревне Гляденской Томского уезда Томской губернии (ныне деревня Глядень Мошковского района Новосибирской области).

Служил священником в селе Мошкове Новосибирской области.

В 1933 году был арестован Мошковским ОГПУ и выслан в Казахстан, в село Чемолган (ныне Ушконыр) Каскеленского района Алма-Атинской области.

14 декабря 1937 года снова был арестован Каскеленским отделом НКВД. В уголовном деле значится как "священник православной церкви, на момент ареста безработный, без определенного места жительства". Обвинялся в "систематической антисоветской пропаганде, террористических настроениях против советского правительства и коммунистов, среди населения села Чемолган вел агитацию за создание церковной общины и открытия церкви". Виновным себя в предъявленном обвинении не признал.

1 февраля 1938 года тройкой при УНКВД по Алма-Атинской области приговорен к расстрелу.

Был расстрелян 3 февраля 1938 года. Погребен в общей безвестной могиле.

11 апреля 1989 года был реабилитирован генеральным прокурором Республики Казахстан по 1938 году репрессий.

Причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

По материалам сайта:https://mitropolia.kz/february/413-iliya-berezovskij.html